

Министерство образования Республики Беларусь
Учреждение образования «Витебский государственный
университет имени П.М. Машерова»

Т.В. КОТОВИЧ

**МАЛЕВИЧ/МЕТАФИЗИКА:
БЕЛЫЙ СУПРЕМАТИЗМ**

Монография

*Витебск
ВГУ имени П.М. Машерова
2019*

УДК 7.038.14:7.071(476+470)
ББК 85.143(2Рос=Рус)6+85.143(4Бел)6+87.823.224.6
К73

Печатается по решению научно-методического совета учреждения образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова». Протокол № 2 от 19.12.2018 г.

Одобрено научно-техническим советом ВГУ имени П.М. Машерова. Протокол № 3 от 05.03.2019 г.

Автор: профессор кафедры всеобщей истории и мировой культуры ВГУ имени П.М. Машерова, доктор искусствоведения, профессор **Т.В. Котович**

Рецензент:
заведующий кафедрой философии и методологии гуманитарных наук
Белорусского государственного университета культуры и искусств,
доктор философских наук, профессор *М.А. Можейко* (Беларусь)

Котович, Т.В.

К73 Малевич/Метафизика: Белый Супрематизм : монография / Т.В. Котович. – Витебск : ВГУ имени П.М. Машерова, 2019. – 114 с. : ил.
ISBN 978-985-517-711-2.

Монография предназначена для искусствоведов, научных работников и специалистов в области теории искусства, культурологов, студентов гуманитарных вузов.

«Малевич/Метафизика: Белый Супрематизм» является четвертой частью тетралогии «Петли времени», первая из которых – «Малевич_УНОВИС: между/над опытом и рацией», вторая – «Супрематический канон», третья – «Витебский УНОВИС».

Автор выражает благодарность Обществу Малевича (Нью-Йорк) за поддержку проекта.

УДК 7.038.14:7.071(476+470)
ББК 85.143(2Рос=Рус)6+85.143(4Бел)6+87.823.224.6

ISBN 978-985-517-711-2

© Котович Т.В., 2019
© ВГУ имени П.М. Машерова, 2019

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 1: ТОПОС/ВРЕМЯ/ТЕКСТ	5
ВВЕДЕНИЕ 2: ТЕКСТ/СТИЛЬ/ГЛУБИНА	10
ВВЕДЕНИЕ 3: ПОТОК СОЗНАНИЯ	19
ЧИСТОЕ ПОЗНАНИЕ – ПУТЬ К БЕЛОМУ СУПРЕМАТИЗМУ	24
ТЕОРИЯ РЕАЛЬНОСТИ	66
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	109

ВВЕДЕНИЕ 1: ТОПОС/ВРЕМЯ/ТЕКСТ

*...познание причин и направление их –
моя главная функция жизни*

[Казимир Малевич. Супрематизм. Мир как беспредметность, или Вечный покой // Казимир Малевич. Собр. соч.: в 5 т. М., 2000. Т. 3. С. 256].

На самом исходе своей витебской истории Казимир Малевич завершил этот текст, подводя промежуточный (однако чрезвычайно важный и даже кульминационный) итог своим размышлениям и находкам, а также своей художественной и педагогической практике, основываясь на опыте общения в философской секции УНОВИСа. Испытанный в персональном педагогическом методе супрематизм и супрематические коллективные витебские проекты по организации предметно-пространственной среды устремляли возвышенное мышление Мастера в теоретическое обоснование и в философское обоснование целостности бытия в его абсолютной беспредметности.

Бэкграунд/«сценография» создания философского проекта были драматичными. Гражданская война и страшный бандитизм (с 1918 года в Витебской губернии в целом и отдельных населённых пунктах ввиду бандитизма неоднократно вводилось военное положение. Это влекло за собой ограничение передвижения, введение запретов отдельным лицам на пребывание в определённой местности. За малейшее подозрение в участии в бандитских налётах объявлялся расстрел на месте [ГАВт. Ф. 56. Оп. 1.

Д. 226. Л. 29]) – продолжались в Витебске на протяжении долгого периода. Но это становилось, пожалуй, всего только вынужденным оформлением происходящего и внутри школы Малевича, и внутри персонального мира Малевича:

«Комната, в которой я живу, имеет <такой> вид, что получаешь впечатление сидения в Москве; в ней нет ничего, что бы могло напомнить глухую провинцию, но когда выйдешь на улицу, все заговорит о том, что далеко находишься от оси вращения и что всё, видимое здесь, только чуть заострило рупор ушей и ровняет тело свое по голосу еле доносящегося центра. Видишь, как всё напрягается и бежит, как ручей в обширное море, чтобы исчезнуть со всей своей индивидуальностью и умом, распылить крупички ума в котле разума города» (Из письма К. Малевича к М.О. Гершензону от 14 ноября 1919 года из Витебска в Москву) [Казимир Малевич. Собр. соч.: в 5 т. М., 2000. Т. 3. С. 329].

Преподавание, организационная деятельность по утверждению сети УНОВИСов по всей России, выставки, поездки, лекции в других городах, бесконечные встречи и дискуссии – были фабулой и главным сюжетом витебского малевичского периода. Но внутри персонального мира в его далёкой глубине содержался стержень и главный смысл – биение неотступной философской супрематической мысли:

«О Существо, смысле и бессмыслии написал я 15 страниц <...>. О Супрематизме тоже много кое-чего прояснилось <...>» (из письма в Москву к М.О. Гершензону от 18 марта 1920 года) [Казимир Малевич. Собр. соч.: в 5 т. М., 2000. Т. 3. С. 339].

«Я уйду в дали других учений; и сижу с утра и учусь сам у себя, хожу, смотрю и думаю <...>» (из письма к М.О. Гершензону от 11 апреля 1920 года из Витебска) [Казимир Малевич. Собр. соч.: в 5 т. М., 2000. Т. 3. С. 340].

«Какая колоссальная бесконечность, бездна и какие миры летят в ней, не можешь представить чисел, расстояний, стараешься постигнуть бесконечное творения, и вдруг ответ идет еще непостижимее о том, что Миры со всем могуществом исчезают в бесконечном человека мозга; но кажется, что весь их бег невероятный, всё небо, всё усилие бежит ко мне, чтобы образовать равновесие в моем мозге» (из письма к М.О. Гершензону от 24 ноября 1920 года из Витебска) [Казимир Малевич. Собр. соч.: в 5 т. М., 2000. Т. 3. С. 343].

«Последнее дало мне новую мысль выяснения “бытия” и “небытия”, написал уже 10 страниц, но только стал немного тревожиться, не будет ли нахальства с моей стороны писать, не спросив мудрейших – так ли <...>. Да еще мерещатся какие-то “Белые проблемы”, исходят из белого Супрем<атического> квадрата» (из письма к М.О. Гершензону от 1 января 1921 года) [Казимир Малевич. Собр. соч.: в 5 т. М., 2000. Т. 3. С. 345, 346].

«Сейчас же я написал самую большую записку “Супрематизм как беспредметность”, в которой выделяю в первенство непрактичность и обрушиваюсь целиком на всю предметную культуру <...> Это издание завершило бы двадцать пять лет моей живописной работы и раз-

мышлений над ней» (из письма к М.О. Гершензону от 11 февраля 1922 года из Витебска) [Казимир Малевич. Собр. соч.: в 5 т. М., 2000. Т. 3. С. 349, 350].

Супрематическая мысль развивалась от изобразительности. В русле метафоры – «через щель живописи». Следуя логике самого Малевича, движение происходило при помощи осмысления цвета, его смыслов. Это составляло целое поле холста, и, пожалуй, более уместной будет метафора «летающего аэроплана» («Супрематическая живопись», 1915), позволяющая осознать не столько его усиленное прохождение сквозь невыносимо узкое пространство, сколько состояние взлётное, пусть столь же усиленное, однако возвышенное, возвышающееся.

«Духовное действие в себе никуда не стремится и не видит нигде ни Бога, ни неба, ибо оно небо и Бог, но, преломляясь в разуме материального, обращает всё от себя, вместо того, чтобы всё действие знаков обратить к себе, ибо я действительное небо, откуда бы ни смотрел, Марс находится в небе, но с Марса и Земля в небе» (из письма к М.О. Гершензону от 21 декабря 1919 года из Витебска) [Казимир Малевич. Собр. соч.: в 5 т. М., 2000. Т. 3. С. 333].

«<...> дошел до Квадрата, круга, крестообразной формы двух плоскостей; вот главные формы, знаки моего строительства; дальше к ним добавились квадрат красный и белый, весь Супрематизм в них, цвет, черное, белое, вот три окраски. Таким образом, я вышел из всего живописного к черному, цветовому, белому, оставив весь предметный мир <...> я вынес Квадрат черный, цветной и белый, дал Супрематизм цветной и не цветной и вот беру

смелость сказать, что эти три начала станут новым Миростроением; старый мир стал <некогда> перед ничто и построил себя; теперь я стал перед ничто, чтобы существо построило новое <Миростроение>» (из письма к М.О. Гершензону из Витебска от 11 апреля 1920 года) [Казимир Малевич. Собр. соч.: в 5 т. М., 2000. Т. 3. С. 340].

Супрематическая мысль вела Малевича далее от изобразительности самого Супрематизма, в котором живопись завершилась. Мастер видел два пути: в архитектуру и в философию, параллельные для его трансформации: 1) через проуновские витебские идеи Лисицкого (объёмный супрематизм на плоскости конца 1910-х – начала 1920-х годов) к белым ленинградским архитектонам и планитам (проектов космических жилищ, возвращённых в пространстве от супрематических плоскостных чертежей второй половины 1920-х годов); 2) в философский витебский текст как ядро сознания о мире.

«<...> вчитываясь сегодня в изданный их стараниями (Х. Сыркус имеет в виду перевод В. Гропиуса и Ласло Махоли-Надя. – Т.К.) полный немецкий текст, я открываю в нем не только очарование теории видения, захватившей меня в 1926 году, но и следы необыкновенной интуиции, с какой Малевич предвидел направление развития теории времени и пространства...» [Сыркус Х. Казимир Малевич // Малевич о себе. Современники о Малевиче. Письма. Документы. Воспоминания. Критика: в 2 т. / авт.-сост.: И.А. Вакар, Т.Н. Михиенко. М., 2004. Т. 2. С. 368. Далее: Малевич о себе...].

Витебский текст Казимира Малевича вызывает постоянный интерес исследователей, и, будучи текстом уновисского периода, он вызывает несомненный интерес в преддверии 100-летия УНОВИСа как часть всей витебской уновисской истории.

ВВЕДЕНИЕ 2: ТЕКСТ/СТИЛЬ/ГЛУБИНА

*Читать его сочинения есть труд – но труд,
который вознаграждается страницей*

[Шатских А. Слово Казимира Малевича // Казимир Малевич. Собр. соч.: в 5 т. М., 1995. Т. 1. С. 16].

Отсутствие философской терминологии препятствует вхождению малевичского контента в собственно философское пространство с его последовательностью изложения и логикой доказательств. Однако и самое философское пространство безостановочно колеблется и с его безостановочной дискуссией воздействует на всякого мыслящего и взыскующего истины человека. Художники не особенно часто исследуют своё творчество, редко прибегают к рефлексии, и тем более интересно их собственное проникновение в технологии движения по созданию картины мира как собственного живописного произведения. Казимир Малевич – едва ли не единственный пример подобного преобразования живого/ежедневного предмета художественной деятельности: из профанного нанесения краски на поверхность холста – через/сквозь плоскость холста – на уровень выше, в самый центр творения как такового. Логика данной последовательности в скачке: от собственной практики творения – в осмысление творения вообще – в точку начала всего.

«Стиль Малевича, порывающий с общепризнанными литературными и языковыми нормами, при поверхностном знакомстве кажется неуклюжим, безграмотным, вар-

варским. Читать его сочинения есть труд – но труд, который вознаграждается сторицей. Вникая в насыщенную, плотную, органично-корявую речь Малевича, – по ошеломляющей выразительности она подчас напоминает прозу Андрея Платонова, – невозможно не поддаться совершенно особому ее очарованию, если не сказать магии» [Шатских А. Слово Казимира Малевича // Казимир Малевич. Собр. соч.: в 5 т. М., 1995. Т. 1. С. 16].

«Перевод мыслей Малевича был вероятно, самой трудной в моей жизни задачей. Я <...> не приступала к переводу, прежде чем не поняла текста настолько четко, чтобы выражение его на другом языке происходило само собой. Но при этом я оказалась в безвыходной ситуации – понимала все слова, но не понимала смысла многих мыслей <...>. Несмотря на то, что во время учебы в университете я получила определенную подготовку в области философии (а может быть именно поэтому) особые трудности доставлял мне перевод сложных метафизических выводов. <...> Я переживала период полного отчаяния, была уже близка к тому, чтобы отказаться от попыток перевода. Но именно в такие моменты я внезапно обнаруживала в этом, чрезвычайно несвязном трактате, писавшемся в разное время и в различных настроениях, захватывающие фрагменты, которые помогали мне возвращаться к переводу вновь и вновь. Я имею в виду прежде всего оригинальную теорию видения, основанную на собственных, глубоких наблюдениях Малевича. <...> Малевич, которому я пере-

слала для авторизации польский перевод, был доволен им»
[Сыркус Х. Казимир Малевич // Малевич о себе... Т. 2. С. 367–368].

«<...> С Малевичем дело обстоит довольно сложно, – его русский язык не совсем правилен, грамматика совершенно неверна, невероятные словообразования в рукописи»
(из письма Л. Лисицкого 1924 г.) [Малевич о себе... Т. 2. С. 216].

«И очень увлечен был своими идеями, глубоко в них убежден... непреклонный человек, который всё в них вкладывал без всякой корысти, без всякого какого-нибудь делового интереса – только из высоких, так сказать, умозрительных соображений» (из воспоминаний А. Чегодаева) [Малевич о себе... Т. 2. С. 410].

Иван Ключ вспоминал: «В Витебске еще Малевич издал небольшую книжонку “Бог не скинут”, в которой он, исходя из того, что новейший микроскоп, увеличивающий в десятки тысяч раз, разложил “атом” и выявил “микрон”, который продержится до следующего усовершенствования микроскопа (и так без конца, до полной беспредметности мира) – он утверждает, что еще неизвестно, есть Бог или его нет, во всяком случае бог еще не сброшен. Книжка эта распространения не получила. Другие его писания “О супрематизме”, “Мир как беспредметность” вообще не увидели света, а жаль, очень интересные и своеобразные по мысли и языку произведения. Но Малевич не унывал и продолжал писать, и это продолжалось несколько лет. В литературе его всё-таки проглядывала какая-то особенная мистика» [Малевич о себе... Т. 2. С. 77–78].

Философствование Малевича, однако, не есть астрология в виде связи явлений с тайными силами мира вне физической причинности. Более того, его размышления сложно определить как сугубо теософские, это по своей сути – опыт чистого мышления. И тем не менее, контекст его рассуждений очевиден, как очевидна связь германских философов-идеалистов с «рейнской мистикой» 16 в.:

Жан-Клод Маркаде: «Слово “мистический” настолько часто употребляют без разбора, когда говорят о русском искусстве, что опасаясь его применять по отношению к мышлению и творчеству Малевича. Речь ни в коем случае не идёт здесь о неясной и бесхребетной религиозности или о теологических состояниях души. Но если признать, что мистическое видение уничтожает посредников и превращает обычное восприятие наших пяти чувств в созерцание мира в своём бытии, то можно утверждать, что супрематизм Малевича мистичен. Это не придаёт особого статуса Малевичу, так как настоящее искусство было и всегда будет связано с этим непосредственным проникновением мирового бытия в целом. “Мистицизм” Малевича особенно заметен из-за его фундаментального противоречия с доминирующей пост-революционной, конструктивистской, материалистской мыслью. Во всяком случае, в его записях отмечают конвергенцию подхода и мышления не только с некоторыми аспектами буддизма (без сомнения, по книгам и статьям П.Д. Успенского), но также с апофатическим богословием Отцов Церкви и исихазма. Не стоит игнорировать эти элементы, сопрягающиеся со множеством других в супрематизме» [Режим доступа: <http://www.vania-marcade.com/>].

Повод для разговоров о мистицизме дают и некоторые названия малевичских работ, в том числе и витебского времени. Например, «Мистический супрематизм», или «Чёрный крест на красном овале».

Супрематизм (Мистический супрематизм). 1920–1922.
Стеделек Музей. Амстердам

Супрематизм (Мистический супрематизм). 1920–1922.
Стеделек Музей. Амстердам

Как отмечает Т. Планкина в своём исследовании, «<...> если о связи Малевича и философов от его современников неизвестно почти ничего, то стремление Малевича к мистицизму отмечают как его современники, так и современные исследователи, такие как А. Шатских, А. Курбановский, Э. Робинсон и другие» [Планкина Т. Супрематизм Малевича и мистицизм Экхарта // Артикульт. 2017. № 26(2). С. 27–39].

Однако Б. Эндер, один из ленинградских учеников Малевича, подчёркивал: «Идеи об Эйнштейне и Малевиче. Равные по силе мысли и глубине философского воображения, Эйнштейн и Малевич определили эпоху. Это их философское воображение переносит нас в эпоху таких представлений о пространстве, о видимости в пространстве и пространственном реализме, которые прежние представления о видимости и реализме сменяют на новые, построенные на изменившихся понятиях о пространстве, *изменяют видимость*» [Малевич о себе... Т. 2. С. 277].

«Малевича по праву можно назвать не только создателем парадигмы нового эстетического дискурса, но – философом. И здесь следует говорить об особой супрематической философии, в основе которой лежит цель – восстановление утраченного единства мира. Малевич пытался достигнуть этой цели через абстрактное искусство, отражающее мир духа. Художник считал, что идеальный мир возможен только в абстракции. Именно к идеальному миру было устремлено искусство Казимира Малевича, в духе платоников изрекшего: “Что такое образ? Это наша неспособность видеть оригинал”. Малевич открыл нам тайну супрематической беспредметности, сакральное действие преодоления форм» (Н. Сперанская).

*«С другой стороны, своей гносеологической составляющей идея супрематизма взаимосвязана с феноменологической концепцией Гуссерля, высказанной в его основополагающей работе 1913 г. “Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии”. Основная философская проблема феноменологии – выделить то, что не подлежит сомнению, а это очевидность (либо конкретная, либо смысловая). Основным инструментом феноменологии – это феноменологические редукции, которые обеспечивают отстранение реального мира, данного в природном окружении (феноменологическо-психологическая редукция), и **переход от сознания эмпирического субъекта к чистому сознанию, очищенному от реальных ощущений (трансцендентальная редукция)** [выделено нами. – Т.К.]. Это явно напоминает освобождение от предметности реального мира у Малевича и его определение принципа беспредметности супрематизма как чистого сознания в чистом действии – возбуждении» (Ичин Корнелия).*

Вместе с тем следует заметить, что Малевич ищет не просто причины (cause), он постоянно методом петли, возвращаясь и возвращаясь к исходному утверждению, проводит апробацию философских оснований, однако сам движется к метафизическим выводам путём рациональным, т.е. к выявлению формулы реальности: супрематизм и рациональный постулат и формула одновременно. Затем Малевич выходит в чистую метафизику и обосновывает сознание как отдельную субстанцию.

Главными вопросами, рассматриваемыми Малевичем, являются:

- проблема реальности, которую он решает как проблему целост-

ности, пронизанной сознанием с такими его свойствами, как беспредметность и непространственность;

- онтологический статус сознания в проблеме дух-тело, где сознание – исток и проходит сквозь всю реальность.

И всё-таки не будет сильным преувеличением назвать философствование Малевича огромной, сложной и великолепной, сродни неологически-маяковской, метафорой, сами его тексты позволяют почувствовать эту резкую/грузную/брутальную энергию ритма. Эта внутренняя мега-сила является не чем-то вдруг осознанным и выявленным неожиданно/спонтанно, она была сущностью личности Малевича, матрицей личности. Это проявлялось в энергии создания супрематизма, в педагогической практике, в энергии теории прибавочного элемента в живописи, в философии и в обыденной профанной жизни. И даже в смерти и обстоятельствах ухода в бесконечность, в Ничто.

К. Рождественский вспоминал о кремации Малевича: «Сначала видно только что-то ослепительно белое и как бы плотное – не дым, не огонь – не молоко – ни на что не похоже, просто какая-то атмосфера добела раскаленная, ощущение какой-то невыносимой температуры, даже смотреть больно, и странное чувство – бездонное неизвестно что, материя какого-то другого мира. <...> И этот красный факел все поднимается кверху, входит в это белое и там растворяется, тает. И потом постепенно, постепенно начинает гаснуть, угасло и ничего не осталось. Ощущение – в ничто ушел, в ничто. Это – неизвестно что <...> квинтэссенция какой-то огненной энергии.., а не просто раскаленная печка. Страшное зрелище, какое-то космическое и потустороннее» [Малевич о себе... Т. 2. С. 304].

ВВЕДЕНИЕ 3: ПОТОК СОЗНАНИЯ

Термин «метафизика» отождествляют с термином «онтология».

- Из письма П. Моргунова Е. Ковтуну: «Когда я говорил Малевичу, что его черный квадрат есть буддийская религиозная эмблема, он широко открывал глаза. А эмблема существует тысячи лет» [Малевич о себе... Т. 2. С. 264].
- Китайская аналогия слову «метафизика» является аллюзией на цитату из «И Цзин»: «то, что выше материи, есть Дао».
- «После физики»: выражение, введённое в оборот Андроником Родосским, систематизатором произведений Аристотеля, назвавшим группу трактатов Аристотеля о «бытии самом по себе».
- В классической философской традиции метафизика – это учение о сверхчувственных (трансцендентных) основах и принципах бытия, альтернативное натурфилософии.
- Направление мысли о высших принципах. По Христиану Вольфу (середина 18 в.), Общая метафизика – учение о бытии и категориях, а Специальная метафизика – естественная теология (учение о Боге), рациональная психология (природа, бессмертие души, свобода личности) и трансцендентальная космология (основы физики); все они аргументируют *a priori*.
- Учение о первоначалах бытия, о сверхчувственных, умозрительно постигаемых принципах и началах всего сущего. Метафизика – всё то, что

лежит за пределами практики, что постигается с помощью интеллекта, что составляет неизменную основу бытия.

- Метафизика – вопросы о реальности и её фундаментальных свойствах. С 17 до середины 20 в. находится на периферии философского дискурса (преодоление метафизики, смерть метафизики). С конца 1980-х гг. – «метафизический поворот»: возвращение интереса к проблемам устройства реальности и её свойств.
- Во второй половине 19 в. Ницше посвятил всю философскую работу борьбе с метафизикой как с сокрытием исчезновения начал, ликвидации основ и торжества Ничто (Бог умер).
- Хайдеггер же писал о Ницше как о вершине метафизики, которая со всей полнотой исчерпывает мыслительные метафизические конструкции. Хайдеггер исследовал ницшеанское «Ничто» в связи с существованием науки, техники, безусловно соотнося ницшеанское сопоставление техники и её «прогресса» с нигилизмом.
- Представители логического позитивизма в 1920-е годы радикально отвергли метафизику за отсутствие смысла в утверждениях об универсалиях, о Боге, о первопричинах как неverifiedируемых.
- Оппоненты логического позитивизма упрекали своих противников в догматизме, т.к. их акцент на чувственном восприятии мира не даёт объяснения статусу чисел, существования нравственности, самого мыслительного акта и т.д.
- Постмодернизм в 20 в. отвергает метафизику, утверждая, что за проблемой первоначал ничего нет, никакой истины не существует, как не существует некоей внеположной инстанции, а целостное Я представляет собой только текст.

Осмысление малевичского текста началось ещё при жизни мастера во время поездки Малевича в Европу и переводов текста: «На выставке в застекленных витринах лежали еще два экспоната – рукопись трактата Малевича на русском языке – “Мир как беспредметность” и жур-

нал “Praesens” № 1 с выбранными автором фрагментами этой работы, переведенными на польский и французский языки (французский текст был напечатан на первых страницах) <...>. Немецкий перевод полного текста, который вышел в конце 1927 года в мюнхенском издательстве Albert Langen Verlag как № 11 серии “Bauhausbücher”, назывался иначе – “Gegenstandslose Welt”» [Сыркус Х. Казимир Малевич // Малевич о себе... Т. 2. С. 367], «в 1946 году Гропиус подарил нам свой экземпляр “Мир как беспредметность” на немецком языке. Благодаря этому мы смогли передавать уроки Малевича молодому поколению архитекторов» [Сыркус Х. Казимир Малевич // Малевич о себе... Т. 2. С. 369].

В начале 1960-х годов появляется первое исследование философских оснований текста в труде В. Хафтмана в кёльнском издании «Einführung/ Malevitsch K. Suprematismus – Die gegenstandslose Welt. Übertragen von Hans Riesen» (Köln : Verlag M. DuMont Schauberg, 1962. S. 7–29). Затем работа А. Стойкова «Критика абстрактного искусства и его теорий» (М., 1964) в духе материалистического противостояния метафизике. В 1960–1970-х годах выходят труды Тр. Андерсена в Копенгагене. В 1977 году в Лозанне была опубликована книга Э. Мартино «Malévitch et la philosophie. La question de la peinture abstraite».

Среди базовых классических исследований философского творчества Малевича – исследования Александры Шатских: «Малевич после живописи» (Казимир Малевич. Собр. соч.: в 5 т. М., 2000. Т. 3. С. 7–67), «Философский архитектор Малевича» (De visu. 1993. № 11. С. 39–45), «Теоретическое и литературное наследие Казимира Малевича» (Сарабьянов Д., Шатских А. Казимир Малевич. Живопись. Теория. М., 1993. С. 177–190).

А также книга М. Архангельского «Малевич, действительность и культура. Философия супрематизма» (М., 1994): «Супрематизм в истории русской культуры явление не случайное, но весьма симптоматичное как некий расудочный соблазн человеческой цивилизации. Малевич, будучи его главным выразителем, выдвинул к концу второго десятилетия века идею господства разума в искусстве. Он создал систему метафизического рационализма, пре-

вращающую фантазию алогизма живописи конца XIX века с ее метафизическими исканиями в живописную утопию, а концепции рационализма синтетического искусства в утилитарную догму».

И исследования А. Накова (Nakov A. Malevich: painting the absolute // Surrey; Burlington: Lund Humphries, 2010).

Из недавних публикаций наиболее важными представляются статьи:

А. Малая «Белый супрематизм. О духовном в современном искусстве» (Малевич. Классический авангард. Витебск. 5. Витебск, 2002. С. 142–158).

А. Малая «Трансцендентная реальность» (Малевич. Классический авангард. Витебск. 7. Минск, 2005. С. 170–179).

Н. Смолянской. «Малевич: радикальный романтизм» (Труды «Русской антропологической школы». 2007. Вып. 4/1. С. 388–409).

Кук Ин Сун «Метафизический мир Малевича» 2006 г. (Режим доступа: <https://www.dissercat.com/content/metafizicheskii-mir-malevicha>).

Т. Планкиной «Супрематизм Малевича и мистицизм Экхарта» (Артикульт. 2017. № 26(2). С. 27–39).

М. Рендл «Неклассическая методология К. Малевича: Начало постмодернистской парадигмы мышления» (Теория и практика общественного развития // Scientific Journal. 2015. № 16. С. 183–186), в которой автор подчёркивает метафизическую направленность малевичских размышлений: «Уникальность супрематического метода в контексте авангарда состоит в ориентации на системную целостность в отношении проблем бытия, раскрывающихся в разных ракурсах в зависимости от желания художника. Эссенциональность авангарда, претендующая, по сути, на космологию, сотворяемую заново в бесконечном числе итераций, предполагала совмещение разрозненных точек бытия в едином смысловом векторе. Этот вектор, несмотря на незавершенность в рамках конкретного направления, лег в основу как философии постмодерна, так и нестационарного стохастического мировидения постнеклассики».

Егора Соколова «Казимир Малевич. Пути к поиску направления» в электронном журнале «Серебряный стрелец» за 14.09.2010 г.: «Малевич считал,

что он снаружи. Иначе говоря, руководствуясь простым фактом своего существования, мы ставим рамки, ограничивая систему и отождествляя её с жизнью – периодом жизни = бытием = событийной временной фазой. За пределами этого фактор времени, т.е. той же бесконечности, не учитывается. Может, и не умышленно. После чего свойства модели приписываются общей надстоящей системе – исходному прототипу, не имеющему ни рамок, ни точек отсчёта, ни других привязок, не смотря на обладание всеми свойствами своих производных, в чём Малевич откровенно запутался. Ибо речь идёт о производных (всей) системы, а не о её частях, или кусочках. К тому же любое интегрирование, даже простое математическое, подразумевает не одно значение производной, и последующее дифференцирование локального компонента не полностью её (систему) реконструирует».

И. Корнелии «Супрематические размышления Малевича о предметном мире» (Вопросы философии. 2011. № 10. С. 48–56).

Т. Левиной «Онтологический аргумент Малевича: Бог как совершенство, или вечный покой» (Артикульт. 2015. № 19(3). С. 18–28).

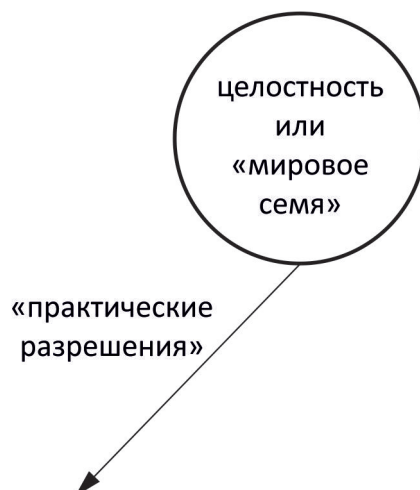
ЧИСТОЕ ПОЗНАНИЕ – ПУТЬ К БЕЛОМУ СУПРЕМАТИЗМУ

«Супрематизм. Мир как беспредметность, или Вечный покой» – труд Казимира Малевича, первая часть которого – **«Супрематизм как чистое познание»** – начата в 1921 году и закончена в феврале 1922 года. Главный вопрос, главная тема и главный смысл всего текста были сформулированы сразу же, в первом пункте: это вопрос об утилитарности, о полезности/практичности любого поиска, а значит, познания вообще. «Всякая полезность, или ответ, сводится к практической жизни, предполагает через целесообразное действие достигнуть практических предметов блага» [Казимир Малевич. Супрематизм. Мир как беспредметность, или Вечный покой // Казимир Малевич. Собр. соч.: в 5 т. М., 2000. Т. 3. С. 69. Далее: Мир как беспредметность...].

Малевич начинает путь от видимого мира (практическая жизнь, харчевая жизнь и пр. житейские/экономические видимости). Однако познание – это всегда познание общего, универсального, и малевичский дискурс обращён к возможности постигнуть мир на фундаментальном уровне, а значит, от видимого он движется к тому, что **за** видимым.

I.

Для Малевича это – преддверие рассуждений и одно из направлений рассуждений. Логика движения авторской мысли, следующая в логике самого развития человеческого действия, занимательна: Малевич сразу же

удерживает естественное, каждодневное устремление любого человека – «и будет жизнь с ее насущным хлебом...», и от этого каждодневного делает бросок в схему, нами выше обозначенную, в первое её направление: «практические разрешения».

Эта же линия определяет и движение остальных линий. Само это движение инспирировано неудовлетворением достигнутым: «<...> бесконечно напрягает мысль свою в поисках практических разрешений, не удовлетворяясь совершенством прошлого и в будущем ждет исправления недомыслия, совершенного им в прошлом» [Мир как беспредметность... С. 70].

Кто-то рвётся в будущее и там уже предвидит более совершенные ответы – таким путём развивается знание. Будущее радикально отличается от прошлого и настоящего, ведь человек пытается преодолеть ограничения сегодняшнего.

Задача достижения цели непосильна для массы в целом и от этого разбита на составляющие. Малевич уточняет: «<...> он разбил себя на множество профессий, поручая каждой профессии часть веса целого. Практической единой целью этой системы он полагает построить единый технический организм всечеловека как Международное начало (национальные особенности, возможно, будут выражаться в особых технических функциях общего). Каждая профессия – механическая функция организма <...>. Мысль разбилась на части специальные, как будто в единстве своем не может достигнуть практического вопроса в целом» [Мир как беспредметность... С. 71]. Мир в стремлении к практичности создал разные пути – профессии, общество пошло путём специализации и сделалось механизмом.

Малевичская 1920-х годов констатация специализации напрямую соотносится с тем, что более чем полвека спустя расшифрует Элвин Тоффлер в труде «Третья волна», строивший выводы в рамках американской социологии 20 века (так же как и Д. Белл, Зб. Бжезинский, Дж. Грант и др.) на основании развития техники. Как констатирует Э. Тоффлер, «к середине XX столетия силы Первой волны (аграрная цивилизация. – Т.К.) были сломлены, и цивили-

лизация Второй волны (индустриальная. – Т.К.) воцарилась на всей планете [Тоффлер Э. Третья волна. М., 2002. С. 21. Далее: Тоффлер...]. <...> Вторая волна подняла технологию на совершенно новый уровень. Она породила гигантские электромеханические машины, приводящие в движение различные детали, ремни, шланги, подшипники и болты, движущиеся с грохотом и треском. И эти новые машины не просто увеличивали силу живых мышц [Тоффлер... С. 22]. Одним из главных принципов общества Второй волны, по Тоффлеру, является **принцип специализации** [Тоффлер... С. 40], в результате действия которого общество делается чрезвычайно жестоким, так как для специализированного труда целостный человек не нужен, а требуется только его некая функциональная часть.

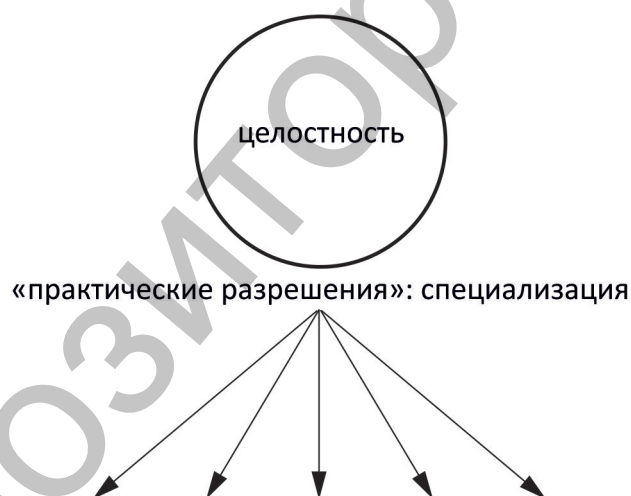
«В среде коммунистов, капиталистов, администраторов, работников образования, священнослужителей и политиков Вторая волна создала общую ментальность и общее стремление к все более утонченному разделению труда. Подобно принцу Альберту на великой Выставке 1851 г. в Хрустальном дворце, они верили, что специализация является “движущей силой цивилизации”» [Тоффлер... С. 42].

«Мысль разбилась на части специальные, как будто в единстве своем не может постигнуть практического вопроса в целом» [Мир как беспредметность... С. 71].

«<...> один практический вопрос стал распыленным и образовал множество кажущихся различий и разрабатывался в каждом народе отдельно. <...> в одной клетке происходит непосильная нагрузка, которая инициативой своей должна поднять все остальное» [Мир как беспредметность... С. 70].

Целостность в биологическом мире обладает универсальностью: единичная клетка самодостаточна, умеет делать всё, что ей нужно, и она, по мнению биологов, гораздо сложнее и интереснее сложной конгломерации клеток, где отдельные клетки специализированы и умеют делать что-то одно.

Таким образом сами «практические разрешения» превращаются в пучок действий:

Человек, по Малевичу, движется как по лестнице, поднимаясь по ступенькам, где на каждой более высокой он исправляет прежние неправильности, видя в будущем только правильности и ключи ответов на все прежние и нынешние вопросы: кто-то идёт по лестнице, а кто-то удовлетворяется местом на прошлой ступеньке. Однако оба они в результате всё равно оказываются на прошлой ступеньке – это очевидно в свете того, что и одному и другому в логике развития необходимо двигаться на следующую ступеньку, и эта следующая ступенька всегда будущее для обоих, где бы каждый из них ни находился в данный момент. И далее так будет всегда. В блеске молнии, когда вдруг виден просвет истины, это будущее едва уловимо, заманчиво и всегда – впереди.

Вернер Гейзенберг, анализируя философские дискурсы от Декарта/Канта до появления квантовой физики, высказывается на этот счёт так: «Иногда мы знаем, что они применяются в некоторых очень широких областях внутреннего или внешнего опыта, но мы никогда точно не знаем, где лежат границы их применимости. <...> Возможно, они унаследованы нами от наших предков, но, как бы то ни было, они служат необходимым инструментом в наше время для всякой научной работы. В этом смысле практически их можно считать априорными, но, быть может, в будущем будет обнаружено дальнейшее ограничение их применения» [Physics and philosophy. New York: Harper & Row, 1958, в русском переводе: Гейзенберг В. Физика и философия. М., 1989. С. 74. Далее: Гейзенберг...].

И возникает малевичский вопрос: а существует ли какая-то финальная ступенька, то есть совершенство? Или гейзенберговский вопрос: в каком смысле можно вообще говорить, что научные понятия отображают реальность? И возможна ли некая общая всеобъемлющая теория?

По Малевичу, всё прошлое и все предыдущие ступеньки – только недомыслие. Логично тогда предположить, что и человек, на какой бы ступеньке он ни находился перед будущим, – только недомыслие, всегда недомыслие.

Основатель теории симметрий в квантовой механике Е. Вигнер в статье «Непостижимая эффективность математики в естественных науках» со своей стороны подчёркивает:

«<...> вовсе не очевидно, что “законы природы” должны существовать; возможность их существования куда менее очевидна, чем способность человека обнаруживать такие законы. Ав-

В границах подобной логики по Малевичу: всякое целесообразное, все «практические разрешения» разбиваются о метафизическое: стит отказаться от движения от одного недомыслия к другому, как тут

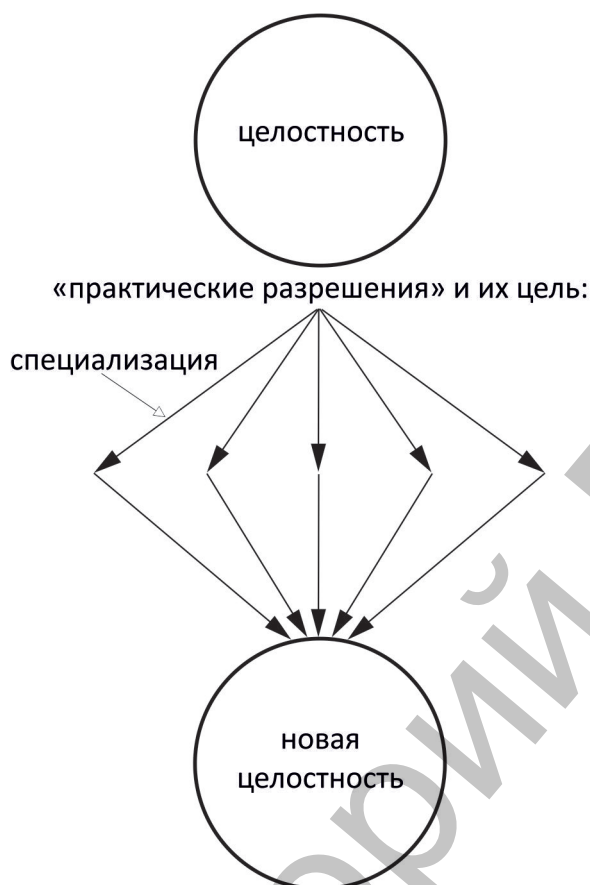
тор уж имел случай привлечь внимание к так называемой последовательности слоев “законов природы”, причем каждый слой состоит из более общих и всеобъемлющих законов, нежели предыдущий; открытие каждого следующего слоя означает более глубокое проникновение в структуру Вселенной. Однако наиболее значительным утверждением в этой связи является то, что все эти законы природы даже в самых далеко идущих следствиях содержат лишь небольшую долю того, что содержит в себе неживая природа. Все законы природы являются лишь условным утверждением, позволяющим предсказывать некоторые будущие события на основе знания состояния природы в данный момент <...>»

[Вигнер Е. Непостижимая эффективность математики в естественных науках // Успехи физических наук. 1968. Т. 94, вып. 3. С. 535–546. Wigner E. The Unreasonable Effectiveness of Mathematics in the Natural Sciences, Comm. Pure and Appl. Math. 131, 1 (1960). Лекция в честь Рихарда Куранта, прочитанная 11 мая 1959 г. в Нью-Йоркском университете. Перевод В.А. Белоконоя 13. А. Угарова. С. 538. Далее: Вигнер...].

же делается очевидной истинная подлинность – беспредметное безмыслие. «Беспредметность – единственная человеческая сущность действия, освобождающая от смысла практичности предмета как ложной подлинности» [Мир как беспредметность... С. 75]. Тогда просто необходимо проскочить предмет мира, пройти сквозь него и выйти к беспредметности. Учёная мысль себя вчерашнюю бесконечно опровергает, и это дурная бесконечность: с точки зрения завтрашнего дня сегодняшний несовершенен, и учёного совершенства вообще нет, потому что всё и всегда будет только кажимость, пустота. Из-за невозможности единой мыслью объять всю целостность происходит специализация, т.е. усложнение по горизонтали. «Через профессии хочет скорее осилить практическое совершенство и через него воплотиться опять в единство свое целое» [Мир как беспредметность... С. 75].

«Мысль разбилась на части специальные, как будто в единстве своем не может постигнуть практического вопроса в целом» [Мир как беспредметность... С. 71].

«<...> один практический вопрос стал распыленным и образовал множество кажущихся различий и разрабатывался в каждом народе отдельно. <...> в одной клетке происходит непосильная нагрузка, которая инициативой своей должна поднять все остальное» [Мир как беспредметность... С. 70].

Единственное орудие мысли – в проникновении, в ощупывании, в поиске причин в пространстве, но поскольку цель подобного поиска бессмысленна, то ясно, что все искомые причины находятся не вне, а внутри – в черепае человека. И всякая трудность постижения мира лежит в сложности мыслительных построений: натурального мира нет, есть мыслительная конструкция мира. И здесь малевичские рассуждения соотносятся с концепциями Канта.

Согласно Канту, мы познаем только явления – предмет нам недоступен. Исключая догмы традиционного познания, Иммануил Кант предложил метод исследования способности самого разума и его собственных пределов в познании. Гносеологический принцип, по Канту, отражает не диалектику предметов, а противоречия самой мыслительной деятельности. Безусловно, Малевичу в первой части теоретического труда интересна не метафизика субстанции, а в большей мере специфика познающего субъекта, который сам формулирует предмет мира, как это важно Канту в момент его «коперниковского переворота в философии», когда объект переворачивается и делается только результатом мышления субъекта.

По Канту, чистое, не связанное с материальным процессом сознание обладает свойствами всеобщности. Особенно важным является то, что он абсолютизирует творческую активность сознания.

Как и Кант, Малевич преодолевает и эмпиризм, и рационализм. Кантово апостприорное знание, т.е. знание, полученное опытным путём, знание о явлениях Малевич опротестовывает как временное, промежуточное, всегда опровергаемое следующим опытом. Можно строить мыслительные конструкции, но они всегда будут терять современность и смысл. А значит, и структура (а не специфика!) субъекта в её сложности и глубине – например, на какой-нибудь из ступенек – для Малевича блекнет: важнее беспредметность целостности.

Повторимся и ещё раз подчеркнём:

- цель познания – обретение новой целостности, а
- задача познания – проскочить предмет мира, пройти сквозь него и выйти к беспредметности: «Мысль создала практический предметный мир, мысль же должна прийти к беспредметному итогу, победив свой пустой бег сочинений» [Мир как беспредметность... С. 71]. Или такая метафора: в недавнем фильме Ричарда Глацера «Всё ещё Элис», где главная героиня учёный-когнитивист констатирует *славную* научную традицию говорить *всё больше и больше о меньшем и меньшем, пока мы не узнаем всё ни о чём*.

Движение познающего представляет собой следующее:

- «Построив практическое, мысль тем самым доказала, что она бессильна построить конечность совершенства практического сочинения, и тем же доказала, что она идет вопреки природе, в которой практического не существует. <...> Практический организм не удастся создать, ибо его не существует в натуре, и если мы идем к нему, то придем к уничтожению его. <...> Таким образом, остается “идея” о совершенстве об абсолютном домысле практичного, но не практичная вещь или предмет» [Мир как беспредметность... С. 71–72].
- Но и идея, как видим, в качестве конструкции рушится: «<...> нельзя ли сказать этому “опытному” человеку, обосновыва-

ющемся на историческом недомысле: “Довольно, ничего не сделаешь, твое бытие – “историческое недомыслие” – не иначе направит твое сознание, как по истории прошлого недомысла, будущее твое тот же исторический факт недомыслия» [Мир как беспредметность... С. 73].

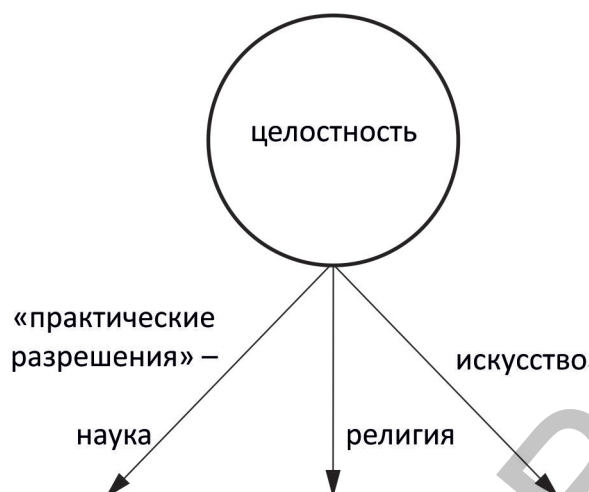
- Значит, есть что-то, наличествующее и за идеей: «<...> нельзя ли проделать новую попытку по беспредметному плану ненаучных безлогичных действий» [Мир как беспредметность... С. 73].

II.

Параллельными рациональному знанию о мире путями познания идут религия и искусство: «Жизнь разбил на три главных практических пути – Искусство, Религию, Науку-технику, три реальных практических и теоретических представления об истинной жизни, однако вечно оспаривающих между собой истину, выставляя каждое себя за действительную практическую истину» [Мир как беспредметность... С. 76].

По Малевичу, беспредметное оформляется в реальности через предмет – Бог, Вещь, Красота, и это путь идеализма, но предметом всё равно нельзя овладеть: «<...> идеалист пытается беспредметное сделать предметным, беспредметное вечно уходит от его физического идеализма, сохраняя свою беспредметность» [Мир как беспредметность... С. 74]. Бог является финальной целью практики Религии, Красота – у Искусства, Вещь – у Науки.

- «Что же является жизнью для церкви? Духовное состояние человека. Но в чем помещается духовность? В душе, ибо тело грешно <...>. Душу Бог не может наказать, ибо она его часть <...>» [Мир как беспредметность... С. 306].

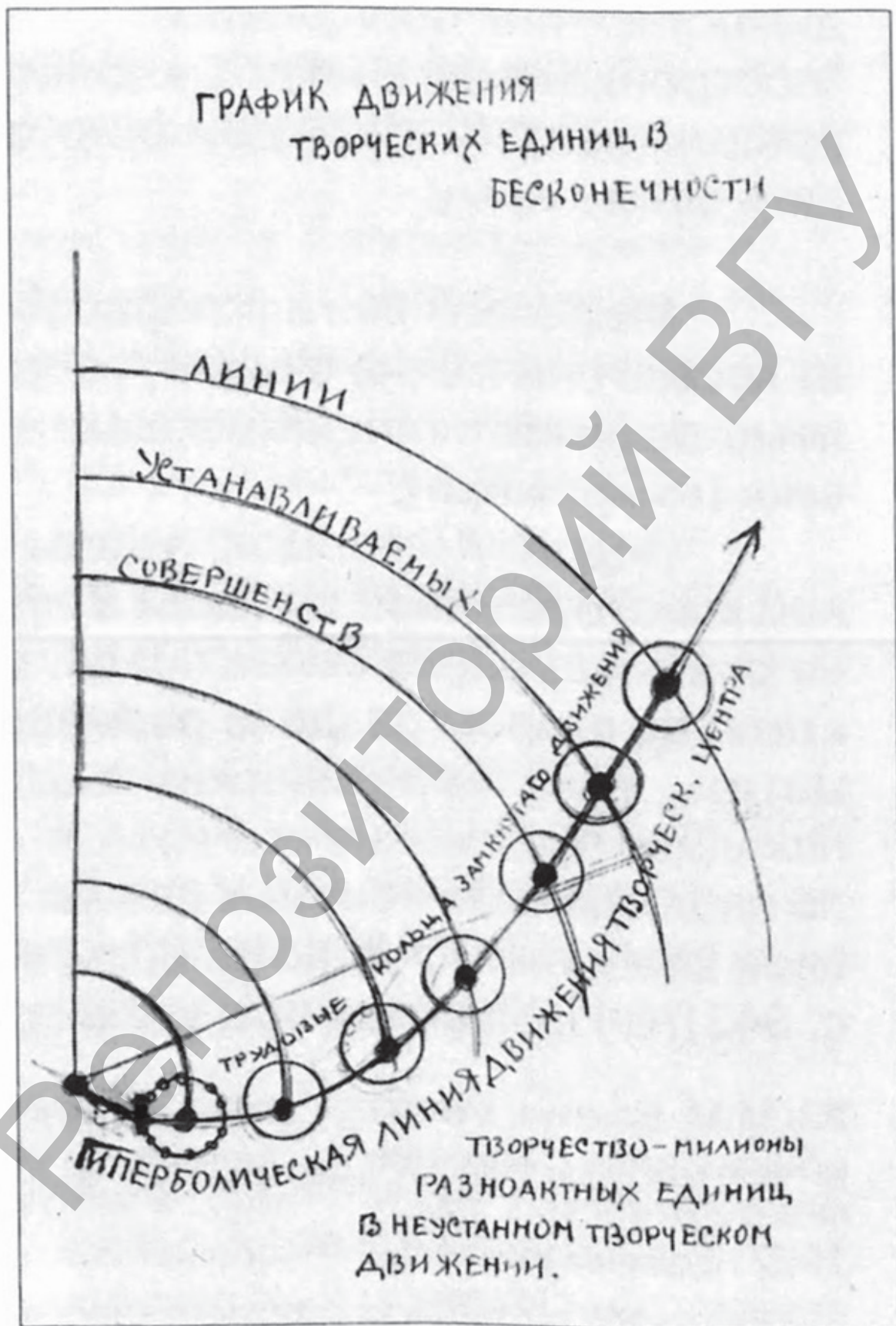

- «Искусство признает себя как главное и говорит – я указываю человеку красоту, а что может быть выше и совершеннее красоты, – видящий меня, не видит греха. <...> Во мне истинный мир человек <...>» [Мир как беспредметность... С. 307].
- «Фабрика опровергает два последних <...>. Вся стихия соберется во мне, и я буду вечностью. <...> Да в конце концов весь мир просто неудавшаяся техническая попытка Бога, которую построю в совершенстве!» [Мир как беспредметность... С. 307].

Движение по достижению этих целей – всего только целесообразные действия. Однако эти действия обречены на невозможность достижения цели.

Поиски и подобный бег за совершенством тщетны. Малевич сравнивает бегущего за этими тщетными, похожими на галлюцинации представлениями, и живущего в этих иллюзиях человека с умалишёнными, и особенно очевидным это становится, когда речь заходит о войне как крайнем воплощении практицизма: «Разница только в том, что правительство психиатрического дома лишило всех больных оружия – ножей, вилок, веревок, спичек и т.д., а правительство здоровой жизни, наоборот, изготавливает таковые и учит, как половчее уничтожить, одну палату направить на другую» [Мир как беспредметность... С. 75].

Метафорическая резкость свойственна высказываниям Малевича и выражает его настойчивый темперамент, однако стоит заметить, что его метафоры тяготеют к моделям. При исследованиях свойств научной метафоры аналитики устанавливают важное в данном случае различие метафоры и модели: «Метафора – это фигура речи, модель – это лингвистическая аналогия, связывающая объект или положение вещей с некоторыми другими объектами или положениями дел» [Martin J., Harre R. Metaphor in Science // Metaphor: Problems and Perspectives. Brighton, 1982. P. 89].

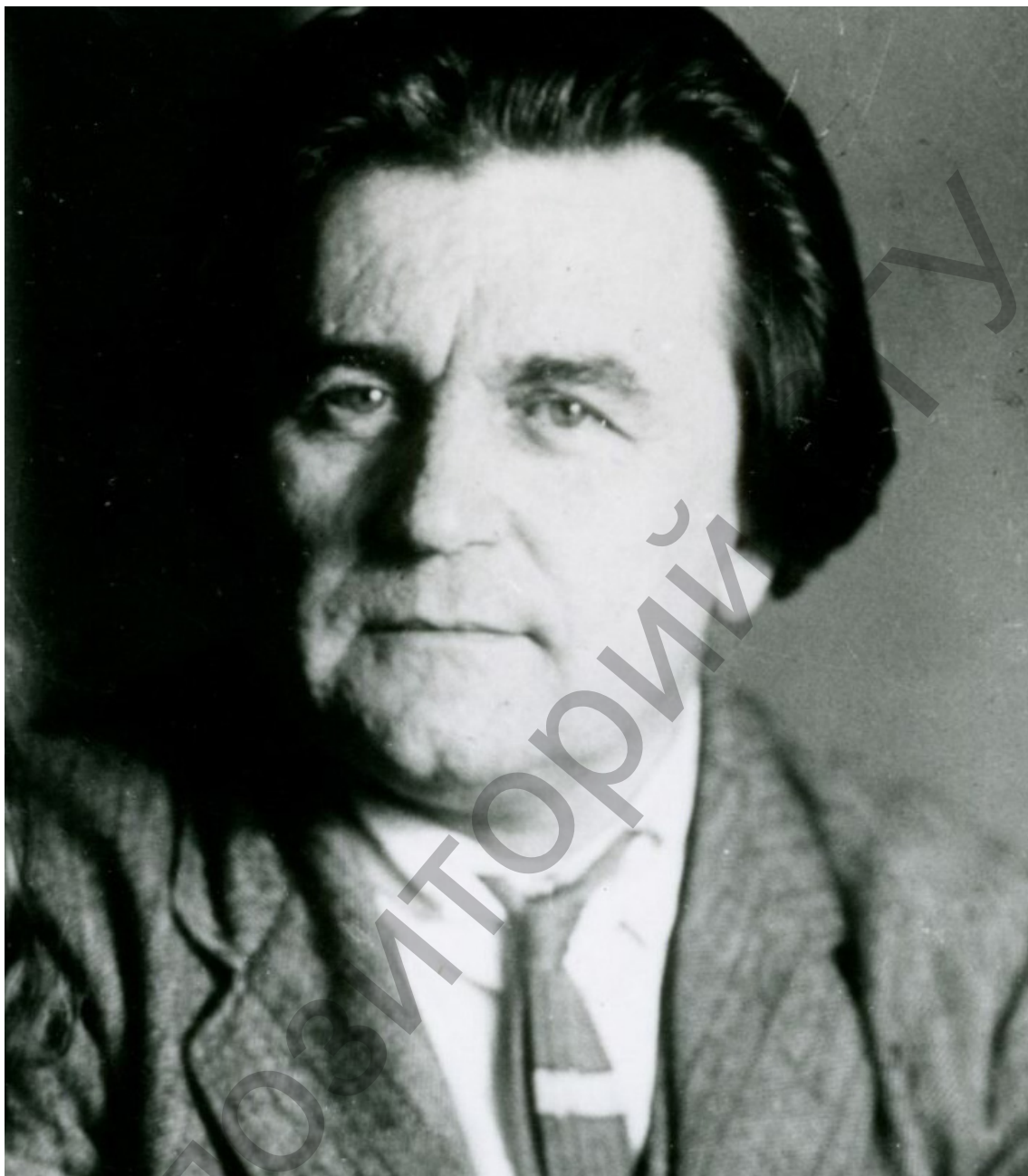

Ход малевичских размышлений представляет собой движение концентрированными кругами. В 1920 г. в Витебске он метафорировал/моделировал это так: «<...> движение по прямой к какой-либо планете не может быть побеждено иначе, как через кольцеобразное движение промежуточных супрематических спутников, которые образуют прямую линию колец, из спутника в спутник. Работая над супрематизмом, я обнаружил, что его формы ничего общего не имеют с техникой земной поверхности» [Казимир Малевич. Собр. соч.: в 5 т. М., 1995. Т. 1. С. 186].

Он разматывает некое утверждение, выстраивает модель, доводит круг до логической точки и вновь возвращается к изначальному утверждению, начиная новый путь по кругу к уже обозначенной логической финальной точке. И всё это в поисках новых доказательств своей правоты, для того, чтобы в конце концов выйти в бесконечное, в **беспредметное**.

Выявляя общее для векторов трёх истин – Искусства, Религии, Науки-техники, Малевич определяет его именно в Искусстве как средстве достижения цели, формулируя форму: «Художник же всё будущее жизни воплощал бы в прошлые совершенства Искусства, в одну и ту же форму, отношение, несмотря на то, что жизнь по динамизму уже другая <...> инженер способен изменить мир вещей, художник же не изменить, все новые содержания жизни будут поглощены формой и отношением прошлого. Инженер, отправляясь в глубокое будущее, приносит оттуда новые совершенства; художник же, отправляясь в прошлое, приносит то, что уже было или есть» [Мир как беспредметность... С. 77]. Различие между наукой и искусством, по Малевичу, состоит в том, что первая – предметна, **второе – беспредметно**; первая – разум, **второе – возбуждение**.

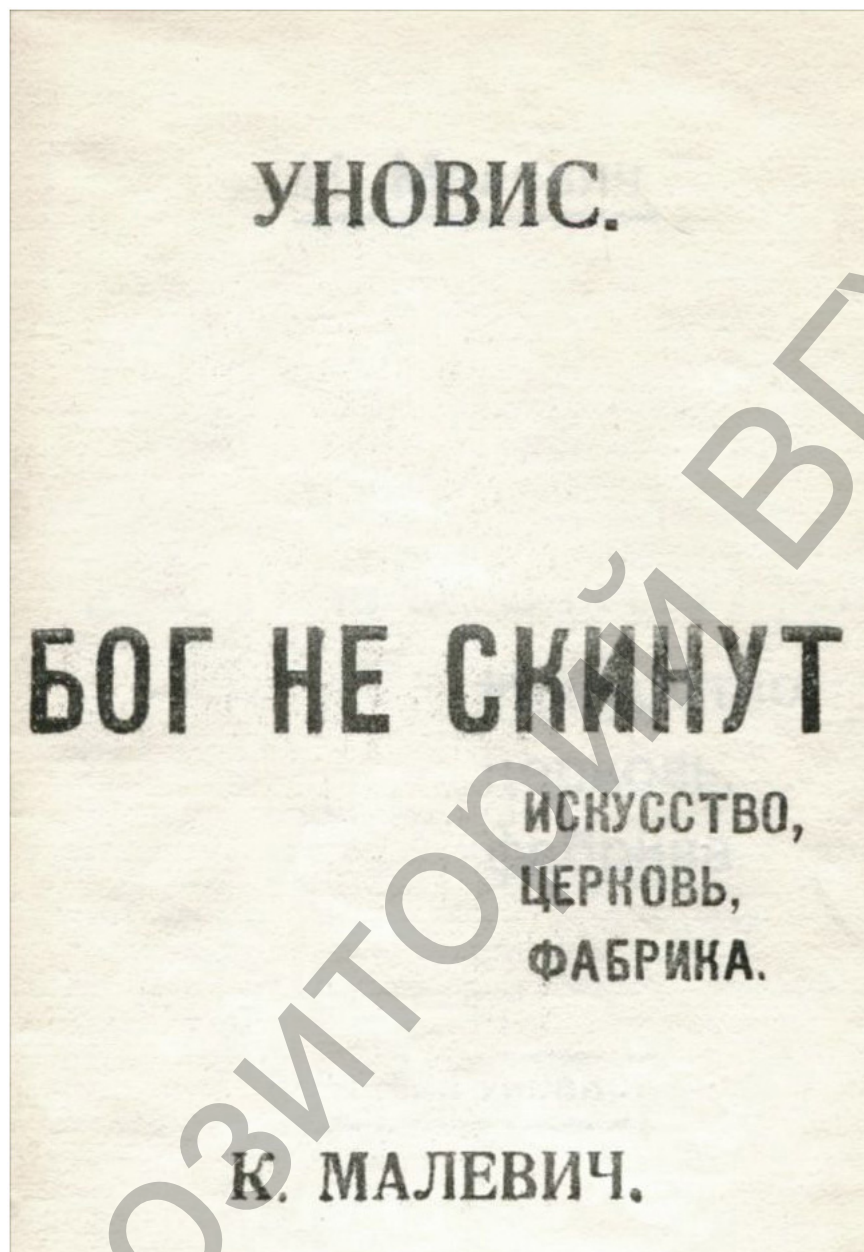
На религиозных путях человеческая воля подчинена воле Бога, на научных путях – практике, в искусстве есть единственная возможность свободного движения: «В этом преимуществе волевого состояния Искусства перед всеми остальными путями предметного практического реализма человека» [Мир как беспредметность... С. 82].

III.

Уновисское издание лекции Малевича «Бог не скинут. Искусство. Церковь. Фабрика» (издание 1922 года) составило фрагмент труда «Супрематизм. Мир как беспредметность, или Вечный покой».

Исследуя приближение/движение человека к Богу, Малевич исходит из следующей посылки:

«Человек, находясь в ядре вселенского возбуждения, чувствует себя перед тайной совершенств, пугаясь мрака тайны, он спешит их узнать, узнать же он может через совершенствование (суждение общежития), ибо только творя совершеннейшее орудие, познает или разрушает тайну, так говорит логика общежития. Так всё явное в природе мощью своего совершенства говорит ему, что Вселенная как совершенство – Бог» [Малевич К. Бог не скинут // Казимир Малевич. Собр. соч.: в 5 т. М., 1994. Т. 1. С. 243].

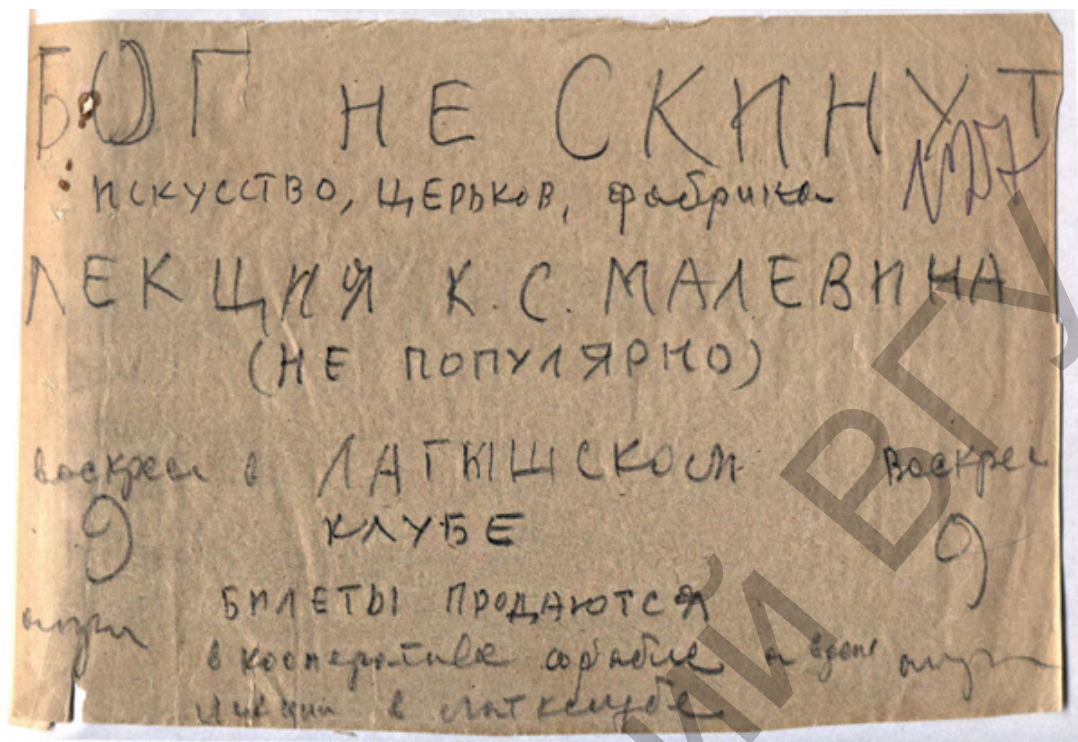
В губполитпросвет
г.о.в. Хинчицу

Обезличенные Творческие
просит прислать резо-
люцию о разрешении
лекции, оринтографского карбо-
ра на раниу Цар., Черной,
Корресп. К.С. Малевича,
результат у Вас шло-
нолся. При сем прилага-
ю свои билеты с Визовой
подписью.

Серг. Умовъ Сремонагу

1922

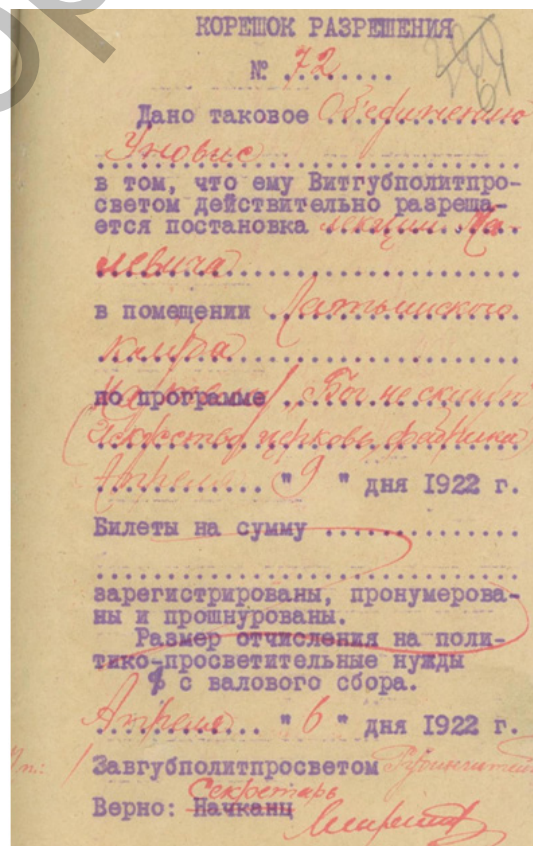
Прошение В. Ермолаевой в Губполитпросвет о лекции К.С. Малевича.
ГВФ. Ф. 1319. Оп. 1. Д. 7. Т. 1. Л. 125

ГАВт. Ф. 1319. Оп. 1. Д. 7. Т. 1. Л. 127

9 апреля 1922 года Малевич читал в Витебске в Латышском клубе лекцию на эту же тему – «Бог не скинут. Искусство, церковь, фабрика». Вера Ермолаева обращалась в губполитпросвет за резолюцией о разрешении лекции – философского разбора.

«Известия Витебского губисполкома и губкома РКП (б)» в № 29 за 5 февраля 1922 года сообщали: «В ближайшее время предполагается устроить чтение художником К.С. Малевичем его нового труда “Бог еще не свергнут!”. После чтения состоится собеседование, в котором примут участие местные культурные силы». 6 апреля газета анонсировала: «В воскресенье в Латклубе состоится очень интересная лекция Каз<имира> Сев<ериновича> Малевича – “Бог не скинут”».

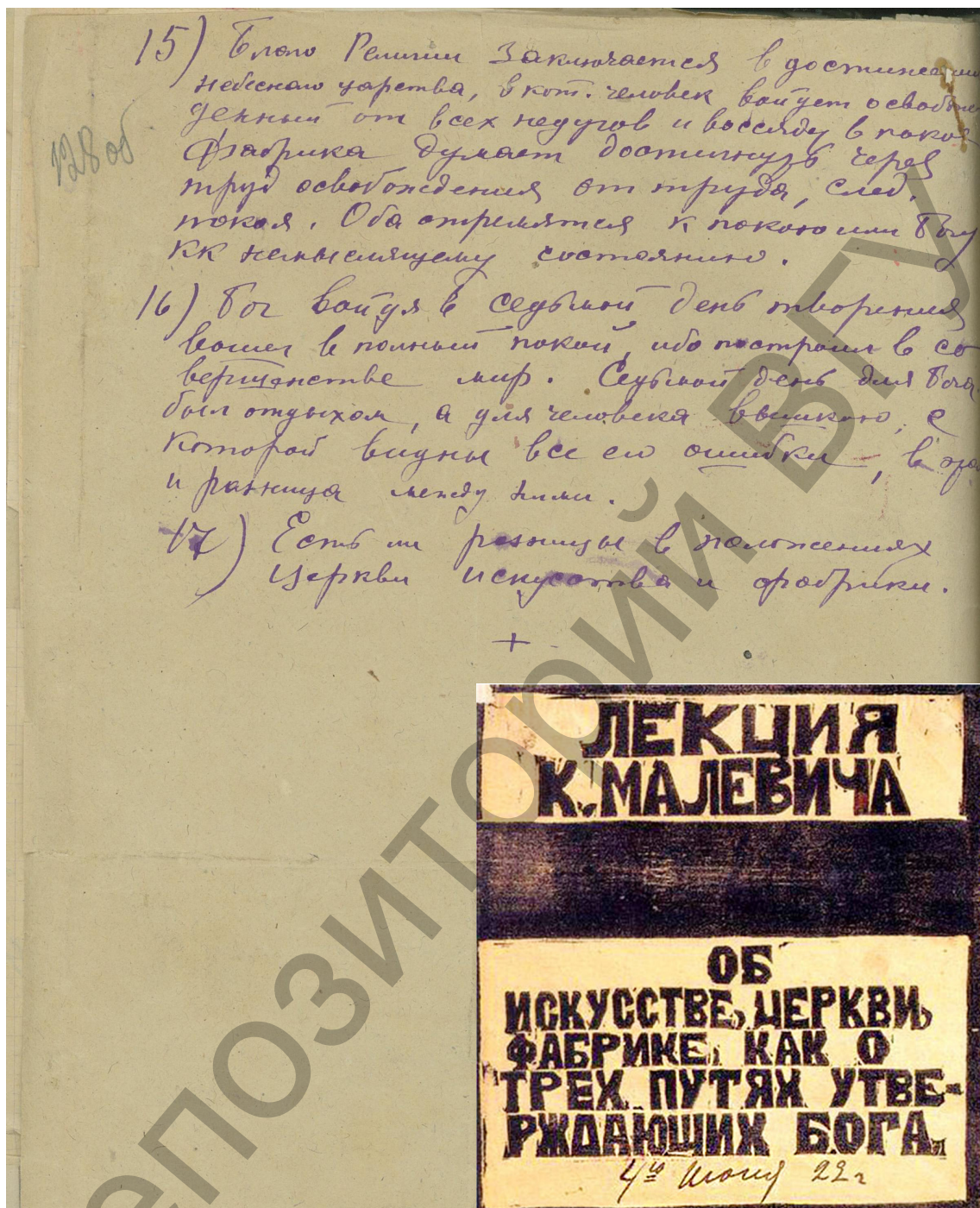
ГАВт. Ф. 1319. Оп. 1. Д. 7. Т. 3. Л. 61

Церковь искусственно образована
 "Бог же светит" (Кеополитик)
 "Философский критический опыт
 Мезиен; 1) Неоплатонизм — философия
 ритма музыки, ритма математики

- 2) Ритм как возбудитель. Искусство — три
 составляющих возбудителя, Мисис, реалитив, натуральное
- 3) Формализм совершенства — передача действительности
- 4) Форма как элемент. Возбудитель — космическое явление
- 5) Человек равен в единичной, в нем воплощается все что в нем
 все свойства совершенства, существующим в нем
- 6) то что называется действительностью — бесконечность не
 измеряется ни в чем, ни в пространстве
- 7) Человек находится в мире всеобщего возбудителя
 присутствует собой перед объектом совершенства. Угроза же
 с он имеет творца совершеннейшего орудия познания
 # так говоря ищет общности. Все объективное в природе
 является явлением совершенства говорит ему что всеобщее и
 совершенство Бог. Поступаеме Бога или что поступаеме все
 делной к совершенству стало со совершенством сегодня.
 без этого познания мудрости природы человек не может
 сделать никакого совершенства, след. нужно иметь
 путь построения совершенства.
- 8) приравнано в единичной совершенству — человек признает
 Бога и тем самым признает то в природе то она не
 имеет, имеет только он, ибо Бог как абсолют совершенства
 природе не может равняться человеку. Такой признанием
 человек выдает себя в единичное существо и вывел
 себя из совершенства божественного и оградил себя
 от своих совершенных предметов, возмущаясь в совершенстве
 именуя абсолютным кем-то извне действующим.
- 9) через все свои произведения он находится в надежде
 достигнуть Бога или совершенства, в котором он уже
 не как человек будет действовать ни как Бог.
- 10) Невероятно через свои чувства выдает из своей
 среды мысль которую возводит на трон правления
 тогда мысль является только истрадой что должно
 достигнуть совершенства в будущем как целостное единство
 поощряя понятие стремящееся возмущаясь во всеобщее
 мысли как целостное смысле, тогда мысль в стране истинной
 мысли как абсолютной совершенства. И так к абсолютному
 иному своим движением совершенства, через свои произ-
 ведения.
- 11) легенда о сотворении мира.
- 12) Предположение о всех родах производства
 существование техники
- 13) технику реализм и технику
 аранжировки образовности
- 14) Возникновение духа движением являющу
 духовным и материальным, Логическое
 предположение существование духа
 начал. Существование одного
 начала, рассматриваемого через
 два тона.

Тезисы лекции К.С. Малевича.
 ГАВТ. Ф. 1319. Оп. 1. Д. 7. Т. 1. Л. 128

Эту же лекцию Малевич прочёл в Петрограде 4 июня 1922 года в Музее художественной культуры (МХК) на Исаакиевской пл., 9.

Тезисы лекции К.С. Малевича.
 ГАВТ. Ф. 1319. Оп. 1. Д. 7. Т. 1. Л. 128 об.

В размышлениях о Боге Малевич утверждает ошибку созданной всевышним системы как то, что в ней изначально был установлен предел, граница.

«<...> общежитие построило себе Бога, ибо беспредметная Вселенная не сказала о его присутствии ни слова, она не указала человеку место его пребывания. Он сам заключил, что природа – признак, говорящий о великом творце непостижимых бесконечных явлений. <...> Определение Бога как совершенства – абсолютное совершенство, а что же перед человеком вечно стоит, как не один вопрос о совершенстве, это и будет его Богом, другими словами выраженным» [Малевич К. Бог не скинут // Казимир Малевич. Собр. соч.: в 5 т. М., 1995. Т. 1. С. 248].

Малевич подчёркивает, что пути к Богу у человека идут через множество религиозных систем – к Богу как человеческому пределу совершенства.

«Каждая система религиозная доказывает народу свое преимущество и благо достижения Бога, также и гражданская система доказывает свое благо и скорейшее его достижение в совершенствах. Речь обоих сводится к благу, но к какому благу? Первая видит его в духовном бытии с духовным Богом, какое благо второй? – тоже сводится к этому, если принять во внимание развитие техники» [Малевич К. Бог не скинут // Казимир Малевич. Собр. соч.: в 5 т. М., 1995. Т. 1. С. 250].

«Определив Бога как абсолютное – определили совершенство, и, несмотря на это, все-таки это “все” ускользает, его границы неуловимы в абсолютном, и мы не можем управлять границами» [Малевич К. Бог не скинут // Казимир Малевич. Собр. соч.: в 5 т. М., 1995. Т. 1. С. 255].

«Человек, достигший совершенства, одновременно уходит в покой, т.е. абсолют, освобождается от познаний, знаний и разных доказательств и не может скрыться от Бога, ибо Бог сделан абсолютом, свободным от всякого действия» [Малевич К. Бог не скинут // Казимир Малевич. Собр. соч.: в 5 т. М., 1995. Т. 1. С. 257].

Т. Планкина выделяет центральную малевичскую позицию следующим образом: «Основными темами для Малевича, как и для христианского мистического богословия, является соотношение Бога и человека и характеристики качеств Бога. От этих тем Малевич переходит к размышлениям о качествах мира и возможности его постижения. Он приходит к выводу, что постижение мира возможно только через его отрицание, то есть через его беспредметность. Это перекликается с его же размышлениями о качествах Бога, среди которых главным качеством является отрицание всех качеств, что является апофатическим путем познания Бога, о котором говорил в своих проповедях Экхарт» [Планкина Т. Супрематизм Малевича и мистицизм Экхарта // Артикульт. 2017. № 26(2). С. 27–39].

IV.

По мысли Малевича, человек разделил свой поиск единства на три части/пути: «вместо единого построили три единства спорящих между собою истин» [Малевич К. Бог не скинут // Казимир Малевич. Собр. соч.: в 5 т. М., 1995. Т. 1. С. 260]. Церковь утверждает, что тот, кто не молится, не попадёт в царствие небесное; фабрика утверждает, что тот, кто не трудится, тот не ест. Через труд человек должен освободиться от труда, а через молитву – от молитвы.

Малевич подчёркивает, что и религия и наука (он называет её Харчевой техникой) облачались в одежды Искусства: «Искусство было прикладным и обязательным, или все три прикладывались друг к другу, творили одну форму; через прикладную роль, очевидно, хотелось достигнуть единства и равенности» [Мир как беспредметность... С. 83], и стремится **обосновать сущность искусства** как самостоятельного пути – вне практического реализма: «В действительности же Искусство нельзя приложить, поскольку в нем будет **вскрыта его беспредметная сущность**» [Мир как беспредметность... С. 83].

И снова малевичская мысль в её круговом движении приводит к **доказательству беспредметности**:

- благо религии – Религиозный дух;
- благо науки – благо технической практической харчевой жизни;
- благо искусства – в красоте,

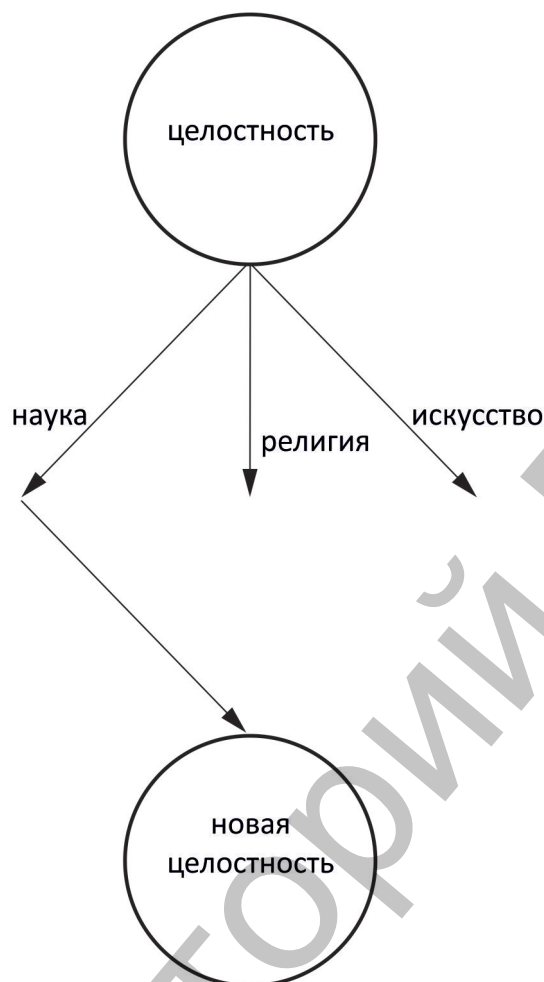
«когда достигнут Бог, когда достигнута вещь, когда достигнута красота, все достижения как цели будут беспредметны <...>» [Мир как беспредметность... С. 84].

И этот малевичский круг приводит к утверждению **высшего – беспредметности**.

И вновь уточнения и, следовательно, ещё один круг.

V.

Из вышеизложенного ясно, что Искусство выбивается из трёх выявленных путей. Оно всегда считалось высшим практическим предметом или надстройкой. При этом понятие высшего связано не столько с самой практичностью, сколько с эстетикой. Однако его не практическое, его беспредметность всё же выражалась всегда в образе предмета. И это тот самый порок, кото-

рый следует преодолеть и выйти к **полной беспредметности**. То есть за пределы искусства вообще.

Беспредметность: то, из чего возникает жизнь. Беспредметность – сущность и неизбежность. Вся линия познания возникает из этой неизбежности и движется к ней: «Познание – действие, превращающее неизвестное, или беспредметное, в предмет познания. Если неизвестное не сделаем предметом, не можем его познать» [Мир как беспредметность... С. 86].

И в этом круге рассуждений Малевич следует за Кантом: не опыт как таковой даёт представление о предмете, а только предположение о неизвестном, только суждение о физическом опыте, только идея о неизвестном.

Наука строит на идеях предмет, а Искусство создаёт беспредметность. Однако составить целое из этого противоречивого соединения невозможно, это всё будет простым насилием, по мнению Малевича.

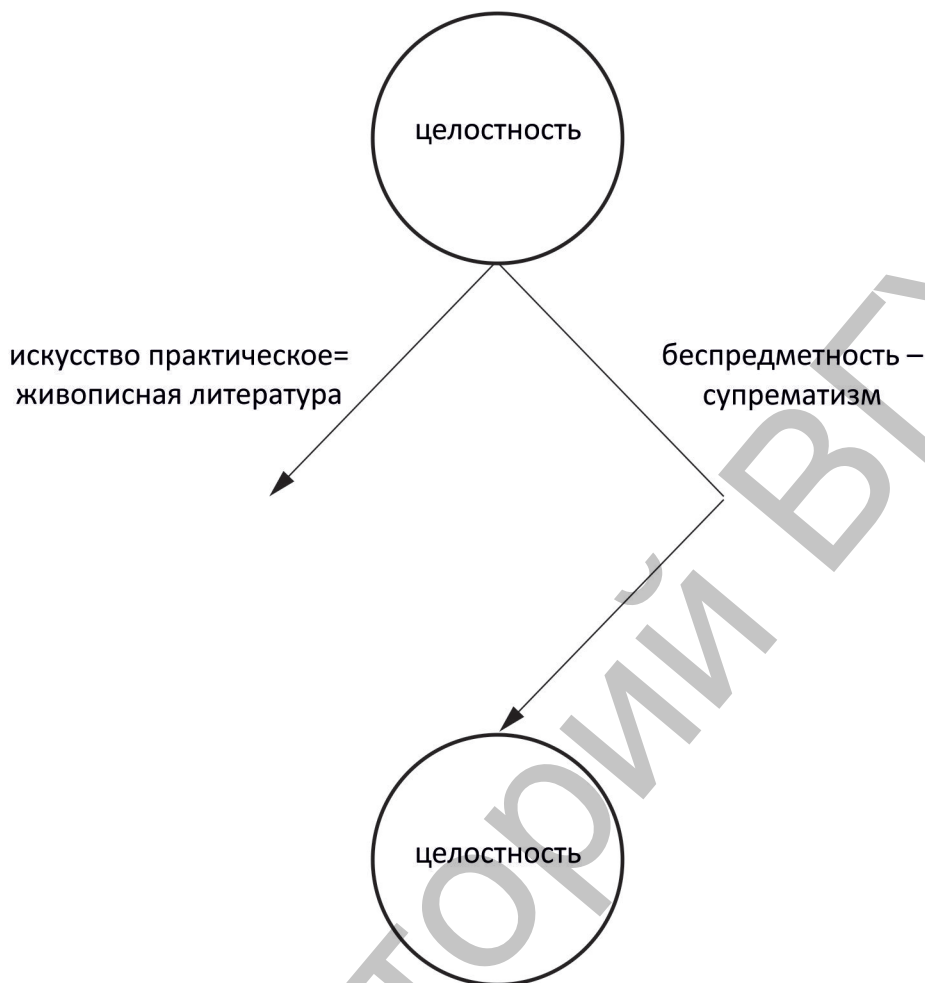
Малевич утверждает, что это является временным соглашением, развитием практического задания, «искусственное соединение сильного царствующего харчевоего экономизма Государств». Обозначенная нами схема в результате приводит к уничтожению религии и к уничтожению искусства. Новая целостность будет исключительно жизнью вещи, миром материализма.

Это действительно так, если Религия и Харчевое благо построены на предметном благе. Но практический реализм – это мнимость, т.к. развитие науки, религии и искусства постоянно идёт от опыта к опыту, полагая предыдущий недостаточным. Однако нет уверенности, что каждый следующий станет достаточным: «<...> доказывает История предыдущих опытов, заниматься дальше опытами простая забава, игра в недомыслие <...> Перед Искусством стоит цель красота, перед Наукой – раскрытие мировых причин, перед Религией – достижение истины Бога, перед Техникой цель совершенного построения практического предмета. Все задачи принадлежат странной человеческой способности видеть то, что не существует, ставить цель, заведомо зная, что достигнуть ее нельзя, – знать причины, которых не существует, восторгаться красотой, которой нет» [Мир как беспредметность... С. 88].

Логика этого нового круга приводит к прежнему выводу: **истина – в беспредметном**, т.е. ни в чём.

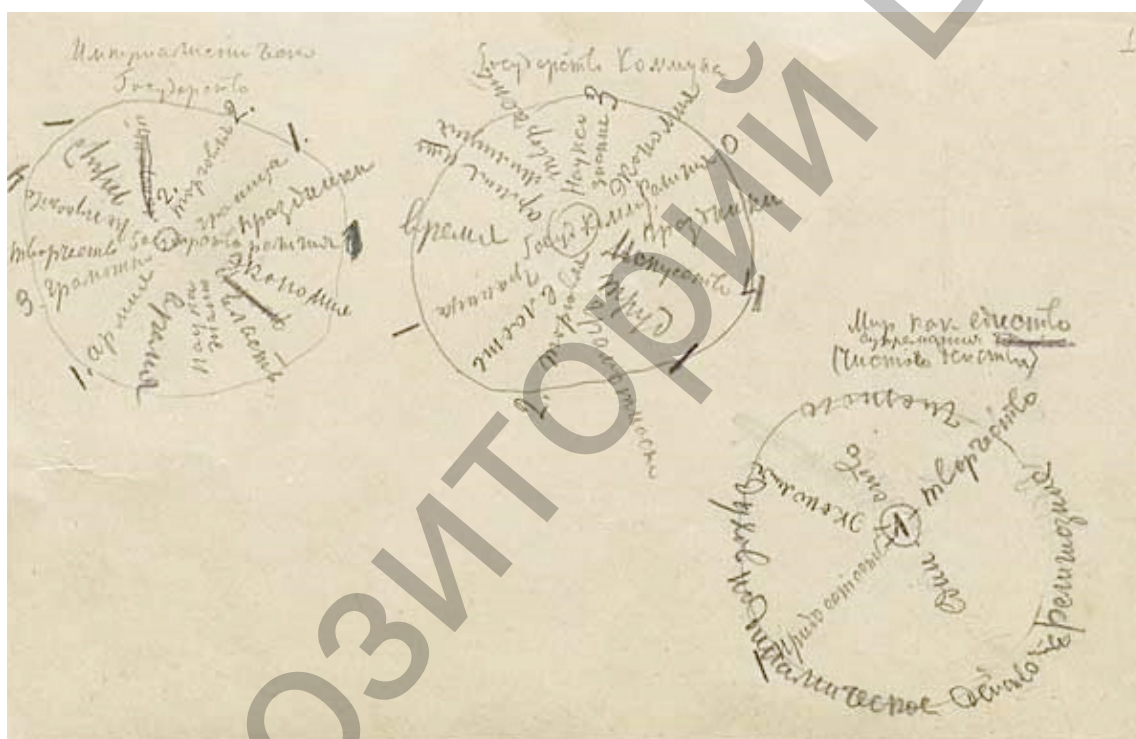
Этот малевичский круг приближает к безвыходному положению: в действительности нет объекта, который можно было бы познать. Потому что природа непознаваема абсолютно. Согласно Канту, познанию доступны явления, но не предмет, который сам по себе недоступен. По Малевичу, человеческое знание есть всего лишь спор за подлинность и спор без доказательств.

В отличие от науки подлинная реальность Искусства – не предмет, а изображение, его художественная сторона, но и это *предметное* построение. Однако у Искусства появилась возможность выйти за пределы предметного реализма **в беспредметность**: «<...> разложение предметного мира еще не значит разложение духа, наоборот, оно вскрыло его действительное. Оно устанавливает дух в своих правах и возводит его в беспредметную истину новой действительности жизни. Когда дух свободного действия пытается выйти из границ предмета, оставляет форму предметной практической культуры, выявив беспредметность как освобожденное ничто от катастрофы форм, видов, сознания, культуры, совершенства, законов и т.д.» [Мир как беспредметность... С. 92].

Каждый новый малевичский круг поднимает тему на новую высоту, приближая мысль к точному пониманию высшего уровня познания: практика устремлена к цели, а **беспредметное** находится вне цели, это – **уже уровень стихийного возбуждения**. Искусство разделилось: одно пошло по пути обслуживания практики, стало «живописной литературой» или пропагандой-агитацией и было использовано для нужд практической жизни; а другое – к беспредметному и вышло к **Белому Супрематизму как к сути**. Мысль Малевича устремлена в точку схождения пространства, времени, материи, в точку абсолютной свободы.

«Супрематизм возможно отнести к линии восхождения Искусства как по-запредельного начала и границы предметного практического реализма. Новое восхождение уже не живописное искусство Супрематизма, а, если возможно сказать, сущность его,двигающаяся в Супрематизме как беспредметности *Нового классического порядка отношений форм*» [Мир как беспредметность... С. 111]. Как во вселенной нет земного понимания пространства и времени, а только возбуждение вне времени или предметных отношений, так и в Супрематизме мир выступает «в неразделенном возбуждении, не под-

Схемы империалистического государства, государства-коммуны, мира как единства. 1917–1918. РГАЛИ. Ф. 3145. Оп. 2. Ед. хр. 701

лежит анатомированию <...> в этом связанном и есть целостность мироздания, но не дробление его на специальности» [Мир как беспредметность... С. 126].

Малевич оговаривается, мол, его супрематические выводы могут показаться несбыточными идеями, однако социализм, который все полагали несбыточным, всё-таки сбылся, значит, и его предсказания имеют право на обсуждение.

Движение вперёд связано с расшатыванием традиционных структур индустриального века. Так, Э. Тоффлер, рассматривая волновое движение

истории, констатирует, что на смену Первой волне (аграрной) приходит Вторая волна (промышленная революция) и, наконец, близится Третья волна, и к концу 20 века всё человечество завершит переход к новому строю. По Тоффлеру, при феодализме господствовали собственники земли, при капитализме – собственники средств производства, при социализме – бюрократия становится коллективным собственником всей экономики.

Перспективы развития Малевич видит в преодолении многоличия социализма и в единстве нового его вида: «Социализм должен снять граничность, но это только будет дверью, через которую пройдет многоличие и станет единым предметом. <...> Через эту толщу обжорной культуры харчевоживучести Социализма пробьется человек к свободе, что и должно его разделить или, по крайней мере, заставить строго различить в себе два начала, животное и человеческое. Предметная харчевая культура не является его идеалом, в ней он не видит свободы, т.е. беспредметного начала, но через нее думает выйти к ней» [Мир как беспредметность... С. 155].

«Когда цивилизация Второй волны простерла по планете свои щупальца, преобразуя все, с чем она вступала в контакт, это относилось не только к технологии или торговле. Сокрушая цивилизацию Первой волны, Вторая волна создала не просто новую реальность для миллионов людей, но и новое понимание действительности» [Тоффлер... С. 76].

«Цивилизация Второй волны не только изменила технологию, природу и культуру. Она изменила личность, способствуя появлению нового социального типа» [Тоффлер... С. 90].

«Я уверен, что сегодня мы стоим на пороге новой эры синтеза» [Тоффлер... С. 97].

«Люди Третьей волны, несомненно, выработают новые представления о природе, прогрессе, эволюции, времени, пространстве, материи и причинности. Их мышление будет менее механистичным, в большей степени сформировано такими понятиями, как процесс, обратная связь, нарушение равновесия. Они будут лучше нас знать, что закономерность может иметь прямым следствием отсутствие закономерности» [Тоффлер... С. 259].

Мы вправе соотнести движения структуры сообществ – у Малевича: империалистического общества и государства коммуны – с исследованием Тоффлера – общества Второй волны, где экономика, грамотность, армия, праздники, труд, творчество, границы и пр. соответствуют друг другу. Малевич поворачивает диск, а время и творчество смещаются/перемещаются, однако структуры остаются с теми же элементами. Тоффлер подчёркивает: «Цивилизация Второй волны создала полностью новый образ реальности, базирующийся на своеобразных представлениях о времени и пространстве, материи и причинности. Собирая обломки прошлого, по-новому комбинируя их воедино, используя опыты и эмпирические исследования, она круто изменила представления людей о мире вокруг себя и о себе в этом мире. <...> Цивилизация Второй волны не просто поделила время на более точные и стандартные части. Она разместила эти части в прямую бесконечную линию, которая протянулась назад, в прошлое и вперед – в будущее» [Тоффлер... С. 79].

Предвидя основные черты новой цивилизации Третьей волны, Тоффлер следовал логике своего труда «Футурошок» [Тоффлер Э. Футурошок. СПб., 1997] и ещё в середине 20 века сформулировал ускоренное развитие технопрогресса как некоего принципиального ядра целостного будущего: «Наряду с новой техносферой появляется новая инфосфера, и это будет иметь далеко идущие последствия во всех сферах жизни, включая наше сознание» [Тоффлер... С. 122]. Противоречие между техно/инфосферой и сознанием вызывает шок и боязнь будущего: «В контексте Третьей волны практическими становятся новые жизненные стили» [Тоффлер... С. 202].

Представления Малевича о будущем связаны только с Искусством, только с творчеством.

«В самой середине этого духовного супермаркета, с его угнетающей слезливой пошлостью и

«В творчестве человеку предстоит освобождение от труда, ремесла,

религиозными обманами, постоянно создается положительная новая культура – культура, соответствующая нашему времени и месту. Начинают появляться новые могучие собирательные образы – новые метафоры для понимания действительности. Возможно, скоро станут появляться самые ранние всходы новых связей и изящества, а постепенно культурный мусор индустриальной реальности будет выметаться Третьей волной, которая является не чем иным, как историческим изменением» [Тоффлер... С. 226].

нужды, от предрассудков чего-либо культивировать, преодолевать, любить. <...> Супрематизм будет только первенствующим началом, указующим человеку освобожденное его “ничто” в этом чистом действии соединения, разъединения» [Мир как беспредметность... С. 155].

Понимание целостности для него невозможно вне сознания, т.е. вне Супрематизма: Малевич создал график движения практических форм и самого практического разума, который с логической необходимостью выводит к пониманию беспредметности.

Анализируя искусство, Малевич подчёркивает, что живописец переносит действительность на холст, но это не есть подлинность: «<...> каждый художник обещает дать реальный портрет как истину, а дает общежитию разряженную кредитку» [Мир как беспредметность... С. 158]. Однако только Искусству под силу освободиться от утилитарности. Только оно в состоянии выйти в беспредметность.

Итак, движение малевичских рассуждений:

- анализ горизонтального практицизма, материализма, Науки и Религии;

- анализ Искусства: прошлое – всё, а новое – ничто и прорыв к Нулю, в ядро, в освобождение через Супрематизм. Супрематизм представляется орудием проникновения в возбуждение вселенной.

Для Малевича белый супрематизм – новое беспредметное действие. Сквозь предмет, через цвет – в чёрное/белое – и, наконец, в исключительно белое как чистое единство. Логично для него то, что, если в мире нет ничего подлинного и всё – только непрочность, единственным прочным может быть только единая беспредметная плоскость. Если человек не в состоянии двигаться в будущее по линейному времени, по горизонтали, из-за того, что это – всегдашняя иллюзия, то единственно возможное средство достижения целостности – это движение по вертикали вниз и в глубину – в область бессознательного, или вверх – в область возбуждения вселенной. Это – ядро его философской концепции.

«Опыт физический уже результат мысли, а мысль всегда образна и предметна. По крайней мере, она стремится оформить и опыт, и представление, и поэтому устанавливается порядок физических единиц, – мысль постигает и невольно образует, сочиняет предмет как свое представляемое оформление. Возможно, действительность природы вне мысли и представления, поэтому она не осознает физических единиц, находится в беспредметном ничто <...> вместо “действия” вернее было бы сказать “возбужденность”, т.е. такое состояние, в котором нет и не может быть ни мысли, ни представления, ни суждения, ни действия осмысленного» [Мир как беспредметность... С. 187].

Дискурс Малевича – это круговые блоки, сеть, бесконечность уточнений и наслоений. Он взыскует не фактов, а связей, и его связывание – это движение по кругам, по сети.

Если, по Тоффлеру, информация – это уже значительная часть действительности, а сегодня очевидным становится даже самый вопрос безопасности работы с информацией, то у Малевича иной подход – выход за этот предел вообще, отделение от информационной проблемы как от предметной, как от всегда частичной, временной, находящейся в кругах форм/материалов.

Малевичский дискурс имеет целью разоблачение действительности и разоблачение манипуляций с информацией о ней.

Э. Тоффлер как социолог не выходит за круг форм/материалов, и его практика безнадежна и футуристична. По линии Тоффлера и невозможно другое осознание действительности: исследования аналитиков данного направления исповедуют логику линейности, пусть и не просто усложнения, однако смена формаций/волн в их рассуждениях содержит в себе смену технологического кода, который хоть и меняется принципиально, но всё-таки в результате комбинаций практического, т.е. всё равно линейности, пусть и с усложнением: «Цивилизация Второй волны получила в свое распоряжение теорию причинности, в которой виделись чудодейственные возможности и которая применялась всюду. Многие из того, что до тех пор казалось невероятно сложным, теперь можно было привести к элементарной объяснимой формуле» [Тоффлер... С. 88], «Учение о прерывистом, дискретном строении материи в свой черед отлично согласовывалось с новым представлением о времени и пространстве, также делимых на все более мелкие единицы» [Тоффлер... С. 86].

Малевич идёт другим путём, его видение реальности ещё сложнее: он осознаёт, что практика не даёт объяснения всех смыслов и вообще смыслов не имеет, а значит, самый смысл находится за пределом практического/харчевого/физического/предметного. Предмет же, и искусство в том числе, т.е. сами картины с их изображением, является всего лишь шифром, указанием на то, что находится за пределом предметного. Именно и только Супрематизм – это прорыв за предел, в абсолютное нефизическое, в область возбуждения, в сферу смыслов. Малевич движется не по линии, не по лестнице, он устремляется в вертикаль. Это также традиционный для европейской философской мысли путь, даже более традиционный, нежели естественнонаучный. И Малевич рискует следовать этой дорогой, несмотря на то, что уже с конца 19 в. в связи с мощным скачком в развитии естественных наук европейское мышление движется по пути констатации физического события как центральной позиции замкнутого мира – догмат о том, что существует только то, что наблюдаемо.

VI.

Малевич с его интуициями исповедует фундаментальный подход в теории познания действительности: он самостоятельно расшифровывает свойства предметной (харчевой), преходящей реальности и обращается к области сознания. Только к концу 1980-х годов заговорят о «метафизическом повороте» и о сознании как об одном из фундаментальных свойств реальности. Малевич фактически отвергает эмпирический пласт как, по его мнению, не дающий истинных представлений о реальности, он строит свою теорию вне этого пласта исследований, вне тщательных исследований харчевой реальности. Малевичская теория базируется на понятии *творчества* и значении творчества в построении теоретических рассуждений.

Английский философ Ч. Бруд в 1925 году в работе «Сознание и его место в природе», рассматривая соотношения сознания и материи, противопоставлял теории механицизма (физикализма) и эмерджентизма. Бруд отдавал предпочтение второй, предлагая мысленный эксперимент с допущением существования математического архангела: математические и логические возможности архангела не ограничены; архангел обладает способностью воспринимать «микроскопическую структуру атомов так же легко, как мы можем воспринимать стога сена». Выводом аргумента Бруда относительно проблемы «сознание–тело» является то, что психические явления отличаются от нейрофизиологических процессов по своей природе и не могут быть вычислены и описаны архангелом.

В малевичские времена, т.е. в конце 1920-х годов, в Европе начинается развитие совсем иного, противоположного направления мысли – логического позитивизма (в Австрии, Британии, затем США), базирующегося на логических и эмпирических высказываниях, сводимых к протокольным предложениям, т.е. базовым чувственным переживаниям. Всё, что невозможно верифицировать, вообще, с точки зрения логического позитивизма, считалось бессмысленным:

«Существует резкая граница между двумя видами высказываний. К одним принадлежат высказывания, как они существуют в эмпирических науках; их смысл можно установить посредством логического анализа, точнее – посредством их сведения к простым высказываниям о том, что дано эмпирически» [Карнап Р., Ган Г., Нейрат О. Научное миропонимание. Венский кружок // Логос. 2005. № 2(47). С. 13–27]. Метафизик же «осуществляет не изложение, а выражение, производит не теорию, а поэзию и миф».

Действительность рассматривается исключительно как часть опыта, и задача философии – только выведение матрицы опыта. Философом, расколовшим целостную картину мира, атаковавшим внутренний мир как фикцию, определившим всю философию от Платона до Декарта и др. как «интеллектуалистическую легенду» вслед за Л. Витгенштейном, является Гилберт Райл («The concept of Mind», 1949), считавший метатеорию призраком. По Райлу, «возбуждение» будет только псевдопроблемой, т.к. сознание – это лишь диспозиции (знание о том, как можно сделать что-то; склонности, способности, отношение к чему-либо). Сознание в данном концепте не есть нечто существующее, а всего лишь совокупность схем поведения, усвоенных из окружающей реальности, и иметь сознание – значит производить определённые действия.

Однако данное райловское утверждение уже давало возможность последующего его опровержения, т.е. в подобной цепи наслаивающихся теорий можно усмотреть то яростное малевичское отрицание недомыслия, его утверждение невозможности достижения совершенства на подобном пути и его устремление в конечное ничто, в беспредметность.

Малевичскую версию, базирующуюся на понятии *творчества* и значении творчества в построении теоретических рассуждений, с точки зрения Райла, можно было бы отнести сразу же к области поэзии.

Философский контекст первой половины, середины и начала последней четверти 20 в. достаточно непростой с точки зрения обсуждаемой проблемы.

1950-е годы в истории развития аналитической философии сознания во многом связаны с дискуссией по поводу теории тождества: соотношение ментальных состояний с процессами в головном мозге. Под влиянием У. Плейса, Дж. Смарта и Г. Фейгла сформировалась типовая теория тождества.

В 1960-е годы серьёзные доводы выдвинули физикалисты и функционалисты, утверждавшие, что сознание – это деятельность мозга, и его можно исследовать исключительно извне, и это единственный путь исследований, или это функция системы (А. Тьюринг «Мышление и компьютеры»).

Физикализм с его редукционизмом, с его утверждением о тождестве сознания с деятельностью мозга, был подвергнут критике Томасом Нагелем в его программном тексте «Каково быть летучей мышью?» (1974 г.) с монументальным аргументом, что объективная научная позиция в описании сознания неизбежно несовершенна. В современной философии сознания общепризнано, что формулировка Томаса Нагеля, согласно которой сознание означает быть чем-либо и имеет *субъективную* природу, точно определяет сущность сознания (без учёта субъективности восприятия и опыта все представления о сознании частичны).

«Это качество нельзя уловить при помощи хорошо знакомых, недавно разработанных методов редукционного анализа феноменов мышления, поскольку все эти методы логически совместимы с его отсутствием. Его невозможно анализировать в терминах любой системы, объясняющей функциональные или интенциональные состояния, поскольку последние могут быть у роботов или автоматов, которые ведут себя как люди, но при этом ничего не чувствуют».

«Таким образом, размышления о том, на что похоже быть летучей мышью, привели нас к следующему заключению: существуют некие факты, которые не могут быть выражены средствами человеческого языка. Нам приходится признавать существование этих фактов, хотя мы не можем их понять и выразить».

Говоря о недоступности феноменального опыта, Нагель пишет о том, что даже если существует некоторая сознательная форма жизни во Вселен-

ной, то «скорее всего, мы не сможем понять ее даже в самых широких из имеющихся у нас терминах опыта».

Подобный аргумент прекрасно метафорирован в философской новелле Хорхе Луиса Борхеса «Поиски Аверроэса»:

«В этом рассказе я хотел описать процесс одного поражения. Сперва я подумывал о том архиепископе Кентерберийском, который вознамерился доказать, что Бог един; затем об алхимиках, искавших философский камень; затем об изобретавших трисекцию угла и квадратуру круга. Но потом я рассудил, что более поэтичен случай с человеком, ставившим себе цель, доступную другим, но не ему. Я вспомнил об Аверроэсе, который, будучи замкнут в границах ислама, так и не понял значения слов “трагедия” и “комедия”. Я изложил этот случай; в процессе писания я чувствовал то, что должен был чувствовать упоминаемый Бертоном Бог, который задумал создать быка, а создал буйвола. Я почувствовал, что мое произведение насмехается надо мной. Почувствовал, что Аверроэс, стремившийся вообразить, что такое драма, не имея понятия о том, что такое театр, был не более смешон, чем я, стремящийся вообразить Аверроэса, не имея иного материала, кроме крох Ренана, Лэйна и Асина Паласьоса. Почувствовал, уже на последней странице, что мой рассказ – отражение того человека, каким я был, пока его писал, и, чтобы сочинить этот рассказ, я должен был быть именно тем человеком, а для того, чтобы быть тем человеком, я должен был сочинить этот рассказ, и так – до бесконечности (В тот миг, когда я перестаю верить в него, Аверроэс исчезает)».

В аргументации против доводов функционализма, утверждающего, что сознание может быть реализовано на любой платформе, которая позволяет выполнить те же функции, необходимо обратить внимание на известный мыслительный эксперимент Джона Сёрла «Китайская комната» (1980 г.): человек внутри закрытого пространства (сродни машине) оперировал языковыми конструкциями. Однако сознание обладает смысловыми состояниями. Человеческий разум воспринимает иероглифы не как они выглядят, а содержащийся в них смысл.

Эксперимент Сёрла соотносится с экспериментом Г. Лейбница («Мельница Лейбница»), где объясняется, что механизм с его деталями не является объяснением сознания.

В своём труде «Открывая сознание заново» Дж. Сёрл толкует сознание как субъективную реальность, доказывает неустранимость его описаний от первого лица, ибо «сознанию присуща неэлиминируемая субъективная онтология».

К концу 1950-х годов стало понятно, что жёсткий позитивистский подход к действительности не оправдан. Одним из главных оппонентов выступил тогда В. Гейзенберг, автор квантовой теории, заложивший основы матричной механики, посвятивший ряд работ теории турбулентности и философским проблемам естествознания:

- «Ньютоновская механика и другие разделы классической физики, построенные по ее образцу, базировались на предположении, что можно описать мир, не говоря о боге или о нас самих. Эта возможность оказалась чуть ли не необходимой предпосылкой для всего естествознания. Но благодаря квантовой теории, положение в описании мира в корне изменилось. <...> Догматический реализм утверждает, что нет осмысленных положений о материальном мире, которые нельзя было бы объективировать. <...> Догматический реализм, как мы теперь видим, не является необходимой предпосылкой естествознания. <...> Философское положение, что

все знание в конечном счете основывается на опыте, в конце концов именно в современном позитивизме ведет к требованию логического анализа каждого высказывания о природе. <...> Однако с развитием квантовой теории мы узнали, что оно невыполнимо».

- «<...> на основе открытий современной физики наша позиция относительно таких понятий, как бог, человеческая душа, жизнь, должна отличаться от позиции XIX века, так как эти понятия принадлежат именно к естественному языку и потому непосредственно связаны с реальностью. Конечно, мы должны себе давать отчет в том, что эти понятия не могут быть хорошо определены в научном смысле и что их применение будет приводить к различным внутренним противоречиям; все же мы должны пока эти понятия брать так, как они есть, не анализируя и строго не определяя. Мы знаем, что они имеют отношение к реальности» [Гейзенберг... С. 61, 62, 202]:

«<...> рамки были настолько узкими и неподвижными, что трудно было найти в них место для многих понятий нашего языка, например понятий духа, человеческой души или жизни. Дух включался в общую картину только как своего рода зеркало материального мира, и если свойства этого зеркала изучались в психологии, то ученые всег-

«Форма действия – слово как выраженная мысль – становится материальной или предметной. Раз существует действие, то представляется оно как физическое действие природы, как и все вообще действие непознаваемого “что” (не может быть действием непознаваемого, только познанное действует, ибо через него действует всё). И, может быть, вместо “действие” вернее было бы сказать “возбужденность”, т.е. такое состояние,

да впадали в искушение – если продолжать это сравнение – направить свое внимание больше на механические, чем на оптические свойства этого зеркала. И здесь еще пытались применять понятия классической физики, особенно понятие причинности. Подобным образом и жизнь понималась как физико-химический процесс, который происходит по законам природы и полностью определяется законом причинности. Это понимание получило сильную поддержку со стороны дарвиновского учения о развитии. Доверие к научному методу и рациональному мышлению заменило все другие гарантии человеческого духа. Понятия всегда очень хорошо подходят к той части реальности, которая является предметом исследования. В других областях явлений соответствие теряется» [Гейзенберг... С. 198].

в котором нет и не может быть ни мысли, ни представления, ни суждения, ни действия осмысленного. Нельзя сочинить ничего о нем, нельзя передать его ни в чем, оно “подлинность” вне времени, пространства и сопоставлений. Ничего в нем не может быть, ни причины, ни последствий, оно освобожденное “ничто”, оно не может быть рассматриваемо ни с какой точки механического или органического. В этом дwoяком определении “неизвестного” общежитие имеет два мнения. Так, одно мнение будет доказывать, что ничего не существует, кроме механичного действия перемещения физических единиц. <...> Вторая сторона пытается доказать, <...> доказует в “большем” “человека” как сознания» [Мир как беспредметность... С. 187–188].

Нет научных критериев доказательства того, что мир вне нас таков, как предполагают теории. И сами теории подвергаются постоянной корректировке. Как подчёркивает в сборнике «Оксфордское руководство по философской теологии» (М., 2013) Д. Рэти в статье «Наука и религия» (С. 99–134), «<...> представления о науке претерпевали серьезные изменения в течение столетий, меняясь по мере выявления недостатков более ранних концепций. Учитывая уроки этих прежних неудач, современные теории признают, что никакой набор эмпирических данных не может быть достаточен для создания, строгого доказательства или столь же строгого опровержения теорий. Признается также, что наука не имеет жесткой логической структуры и что тео-

рии творчески создаются, а не дедуцируются. Почти все философы в наши дни полагают, что наблюдение не является чем-то пассивным и что данные до некоторой (порой излишней) степени несут отпечаток теорий, с помощью которых они были получены» (С. 101).

Малевич опирается на эту же посылку, размышляя о временности и частности того или иного положения/открытия в научном/практическом действии.

Мы исходим из допущения о существовании реальности, но доказать это невозможно. У Малевича данное положение охарактеризовано как попытка установления, в чём бытие как подлинность: в представлении или вне представляемого: «Возможно, наша жизнь представляет собой ту же картинную плоскость, в которой предметы передвигаются только в нашем представлении» [Мир как беспредметность... С. 205].

«У сознания есть одно измерение <представление>, что всё то подлинно, что целесообразно построено, и в то же время сознание стоит перед вопросом: действительно ли всё, что его касается, есть та подлинность, которую он изобразил в своем воображении или в другом орудии как форме иного выражения? Или, может быть, вся эта классификация и все категории выражения тех или других видов являются его галлюцинации представлений, <поскольку представления возникают в бессознательном> лишь при контакте с сознанием, в чисто же бессознательном есть только приятные и неприятные ощущения (приятие и отказ)» [Казимир Малевич. Собр. соч.: в 5 т. М., 2003. Т. 4. С. 72].

С 1950-х годов У. Куайн, П. Стросон, Оксфордские студии по метафизике, Р. Ингарден, В. Стружевский, Э. Корет от исследований языка и математи-

ческой логики движутся к осознанию реальности и поиску первопринципов в **базовых структурах мышления**.

Питер Стросон анализирует **универсальные концептуальные схемы**, того, что находится **за** мышлением. Не находит ли здесь витебское размышление Малевича начала 1920-х годов своё соответствие?: **за** структурой языка, т.е. супрематического канона/кода с его очевидной визуальностью математической логики стоит матрица Белого Супрематизма, главная партитура и первопринцип всей реальности.

Метафизическое кантово представление о том, что перед нами не самая реальность, а наше о ней мышление, у Малевича формулируется через метафору человеческого черепа, в котором всё и сосредоточено. Стросоновские концептуальные схемы, 12 категорий Канта и т.д. – весь метафизический инструментарий познания соотносится с первоначальным супрематическим блоком Малевича.

Другая метафизическая дорога – аристотелева традиция, – обосновываемая и выраженная в 20 в. М. Лаксом связана осознанием эссенции-субстанции и её предела с осознанием предельной реальности, т.е. границ того, что существует в рамках метафизического реализма. У Канта это понятие выражено как вещь-в-себе, которая совершенно непознаваема. У других реалистов (Аристотель и др.) у реальности есть статус онтологической независимости, т.е. существование объекта независимо от мышления и принципиальная познаваемость объекта. Речь идёт об экстраментальной реальности (термин Галена Стросона) в отличие от ментальной реальности.

По Малевичу, это – область харчевой реальности. Предел для него ясен и, что ещё более очевидно из его витебского дискурса, **за** этим пределом – бесконечность/беспредметность. Малевич не является приверженцем метафизического реализма: для него то, что внутри границы, то, что полагается как онтологически независимая субстанция – всего лишь «промельк маховой» (строчка Пастернака), только росчерк метеора на небе. Это не иллюзия, одна-

ко быстро меняющаяся, постоянно становящаяся реальность, растворяющаяся на глазах, на глазах превращающаяся в ничто. За её пределом, в её ядре, в её основании – беспредметность, т.е. момент, когда предмет, растворяясь, оставляет только свою схему, свою идею.

Экстраментальная реальность и ментальная реальность – два противоположных взгляда на действительность.

Смыкаются две точки зрения в одном вопросе: если концептуальные схемы только порождены сознанием и только укоренены в сознании, то почему они так подстроены к реальности? «Мы не знаем, почему так хорошо работают наши теории. Ибо их точность не может служить доказательством ни их истинности, ни взаимной согласованности, – подчёркивает Е. Вигнер, основатель теории симметрий в квантовой механике, в статье “Непостижимая эффективность математики в естественных науках”. – С одной стороны, невероятна эффективность математики в естественных науках есть нечто граничащее с мистикой, ибо никакого рационального объяснения этому факту нет. С другой стороны, именно эта непостижимая эффективность математики в естественных науках выдвигает вопрос о единственности физических теорий» [Вигнер... С. 536].

«Выдающийся математик до предела, почти не щадя ничего, использует всю область возможных рассуждений и даже скользит по самому краю возможного. То, что такая смелость не приводит математика в болото противоречий, уж само по себе чудо: в самом деле, трудно поверить, что могущество нашего ума доведено дарвиновским естественным отбором до такого совершенства, которым на ум, судя всему, обладает» [Вигнер... С. 537].

Главная цель рассуждений Е. Вигнера – подчеркнуть, что все законы природы являются всего лишь условными утверждениями и они имеют

отношение только к малой части того, из чего состоит природа [Вигнер... С. 539]. Вигнер достаточный оптимист в науке, но его смущает, например, несогласованность квантовой механики и теории относительности и противоречие между ними, в то время как одна и другая описывают реальность с математической точностью.

Общая теория относительности говорит о кривизне пространства и времени. По Джону Уилеру, «масса приказывает пространству-времени, как искривляться, а пространство-время приказывает массе, как двигаться». А в квантовой теории частицы взаимодействуют с помощью частиц: электричество посылает фотоны между заряженными частицами, сильное взаимодействие через глюоны, а слабое – через W- и Z-бозоны. В малых масштабах виртуальные гравитоны производят очень плотную энергию и её частицы создают мощное гравитационное поле. Как работают законы на масштабах меньше планковской длины, учёные не знают: там царит случайность, пространство–время покрывается рябью и могут возникать чёрные дыры. Как выражается доктор Дейв Голдберг, «касательно всех этих бесконечностей – черт, у нас нет ни малейшего представления о том, что же все-таки происходит на самом деле!».

Это сходится с малевичским ничто в отношении постигаемости мира.

«Философия супрематизма скептически относится ко всей человеческой мудрости и к ее попыткам познания, полагая, что в мире ничего выявить нельзя, поскольку в нем ничего нет и не было» [Казимир Малевич. Мир как беспредметность. Фрагменты // Казимир Малевич. Собр. соч.: в 5 т. М., 1998. Т. 2. С. 36].

В письме к М. Гершензону в ноябре 1920 года из Витебска Малевич подчёркивает, что все бесконечности – это содержимое человеческого сознания: темнота черепа тождественна темноте пространства: «<...> если

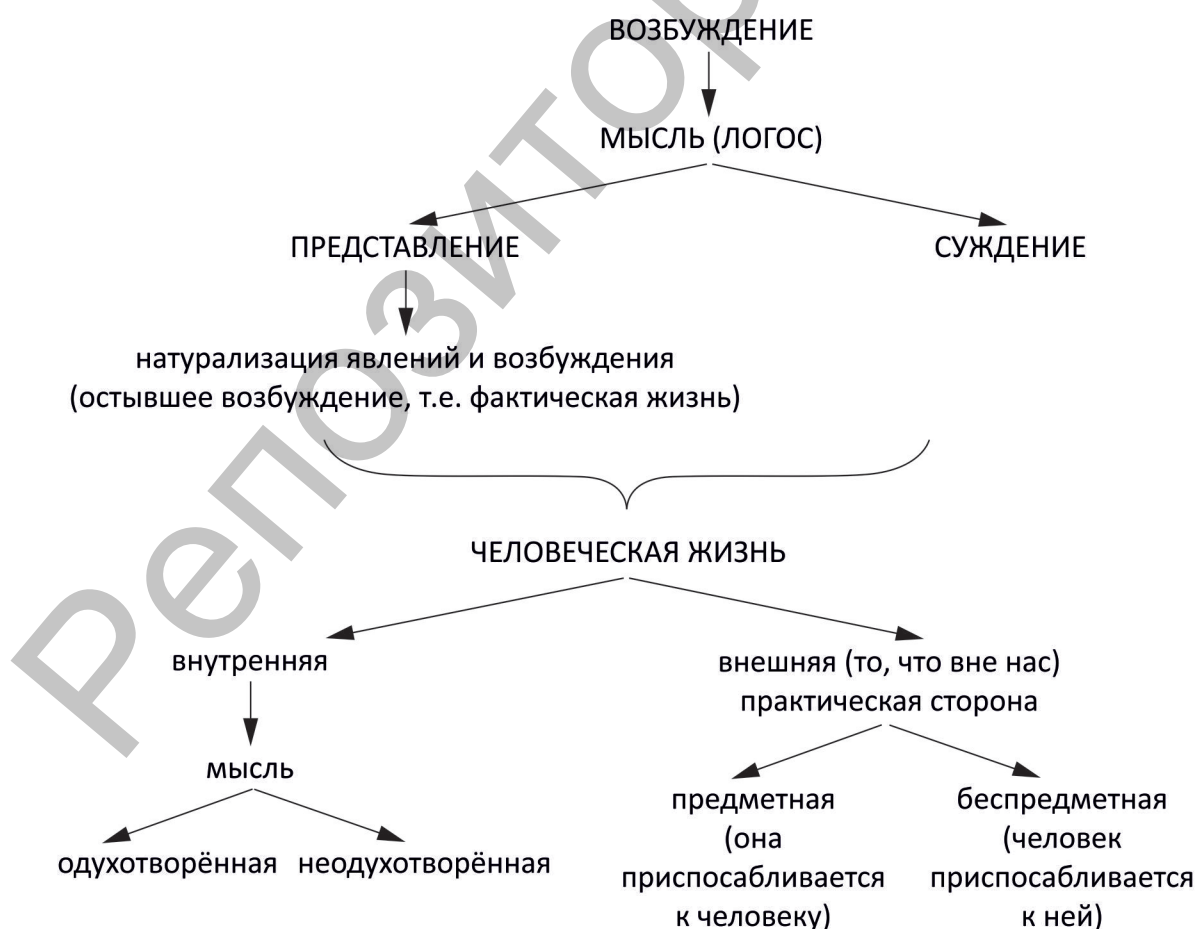
сравнить бесконечность видимых миров с черепом человека увидим, что они занимают незначительную часть» [Малевич о себе... Т. 1. С. 132].

В очередном круге/кольце своего дискурса Малевич вновь обращается к Искусству, которое, по его мнению, только одно и способно мир незнательный сделать сознательным и радикально выступает против мнимых подлинностей, и это очевидно, т.к. только живопись наглядно и просто доказывает фиктивность представляемого: «На поверхности живописного доказательства не обнаружилось никакого физического предмета» [Мир как беспредметность... С. 211]. Эта логика и позволяет Малевичу прийти к беспредметному Супрематизму.

ТЕОРИЯ РЕАЛЬНОСТИ

«Супрематизм. Мир как беспредметность, или Вечный покой» – труд Казимира Малевича, вторая часть которого – «Супрематизм как беспредметность» – начат в 1921 году и закончен в феврале 1922 года.

Во второй части трактата Малевич строит Теорию реальности:

Малевич *проявляет* картину мира. Для него это – обретение целостности, нахождение того, что до., нахождение пред-суждения (по терминологии Х. Гадамера, *Vor-Urteil*, т.е. выявление древнего, первичного). Малевич выявляет это первичное и проясняет связи/соединения/пересечения/узлы, стыкует их, находит соотношения между ними для прояснения скрытого в реальности:

ТРИ СТУПЕНИ:

1. ВОЗБУЖДЕНИЕ

«Началом и причиной жизни считаю возбуждение как чистое неосознанное, без числа точности, времени пространства, абсолютного и относительного состояние» [Мир как беспредметность ... С. 218].

2. МЫСЛЬ (ЛОГОС)

«Второй ступенью считаю мысль, в которой возбуждение принимает состояние представления и развивается в форму суждения – реализации мира явлений в сознании».

«Таковые два состояния считаю наиглавнейшими и высшими в человеке, а равно и во всем, что возбуждено и мысли о себе» [Мир как беспредметность... С. 218].

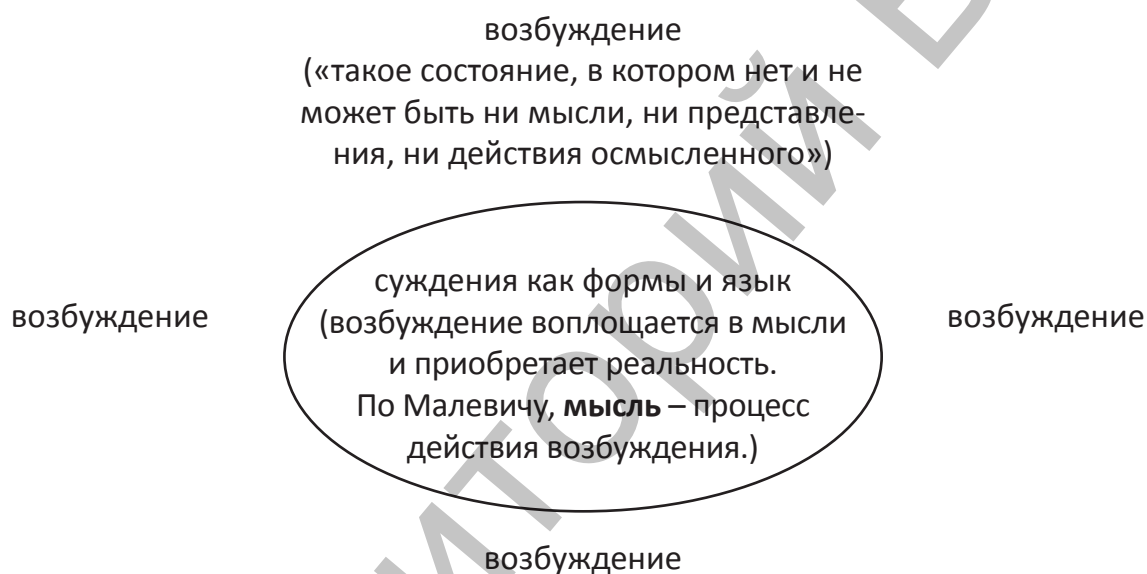
3. НАТУРАЛИЗМ (натурализация явлений и возбуждений)

«Под натурализмом разумею то, что считаем фактической жизнью, а также и научную познаваемость и организованность» [Мир как беспредметность... С. 218].

СООТНОШЕНИЕ ВОЗБУЖДЕНИЯ И МЫСЛИ

«Возбуждение, космическое пламя, живет беспредметным и только в черепе мысли охлаждает свое состояния в реальных представлениях своей неизмеримости» [Мир как беспредметность... С. 284].

Возбуждение – «такое состояние, в котором нет и не может быть ни мысли, ни представления, ни действия осмысленного» [Мир как беспредметность... С. 187].

Малевич определяет материю как остывающее возбуждение, Мысль прорывается сквозь материю как уже замершее/остывшее возбуждение – в мир идей, Эйдосов (eidos), оснований, а затем – в мир кипящего возбуждения. Попадая в пространство идей, математических форм, мысль сама начинает действовать по организации этого пространства.

«Возбуждение-горение – наивысшая белая сила, приводящая в волнение мысль. Этим состоянием дорожит человек, ставит его выше над практической экономической жизнью, без этого воздействия мысли нет» [Мир как беспредметность... С. 219].

«Возбуждение как пламя вулкана колыхается во внутреннем человека без цели смысла, мысль же никогда не может быть таковой, – она стремится к выявлению возбуждения в форму, творя беспредметную и предметную жизнь» [Мир как беспредметность... С. 219].

МЫСЛЬ

Малевич подчёркивает, что с помощью Логоса мы осознаём пространство за материей и тут же создаём сеть, в которую улавливаем реальность. Эта сеть представлений и суждений являет собой символическую систему. Без этой символической сети человек не выделен из природы, ибо в природе «он действует вне суждений» и ничем не отличается от всех других природных существ. Только при наличии языка (мышления, речи, логоса), т.е. «когда творит суждения как формы и язык», человек и природа разделяются. Человек оказывается в самом эпицентре символической системы мира и о мире, за границами которой область возбуждения (термин Малевича): «Из возбуждения в возбуждение входят явления, из начала в начало, из беспредметного в беспредметное, – полное бессмыслие вечного круговорота заполняет свой пробег вереницей смыслов, имея по обеим концам общего пути полюса бессмыслия» [Мир как беспредметность... С. 221]. Граница мира – это граница языка или, у Малевича, форм Супрематизма. В этом смысле логика Малевича соотносима с высказываниями герменевтика Х.-Г. Гадамера.

Эта символическая сеть одна только и держит реальность: «Движение смыслов велико и обильно множественно в беге своем в бесконечности, они оставляют следы на небе памяти, как метеоры горячий след, реальность которых несколько времени держится мыслью, после чего исчезает в ничто. <...> Творятся представления новых суждений о действительности, и во всяком таком действительном суждении нечего больше нет, как представление» [Мир как беспредметность... С. 221]. Малевич смыкает ментальную конструкцию реальности с платоновской реальностью идей как фундаментального уровня бытия.

По Малевичу, сеть эта бесконечна, как и вселенная, коль скоро она в состоянии эту вселенную удержать. Исследованию подлежит сама сеть, потому что войти в реальность невозможно, ибо нет объекта реальности: «<...> реальность известна мне только через мое ощущение в себе, и последнее будет реальностью дома во мне» [Мир как беспредметность... С. 222], что адекватно тому, как действительность отображена на живописном холсте.

Представления, предположения и есть возникшие в человеке первые шаги идеи.

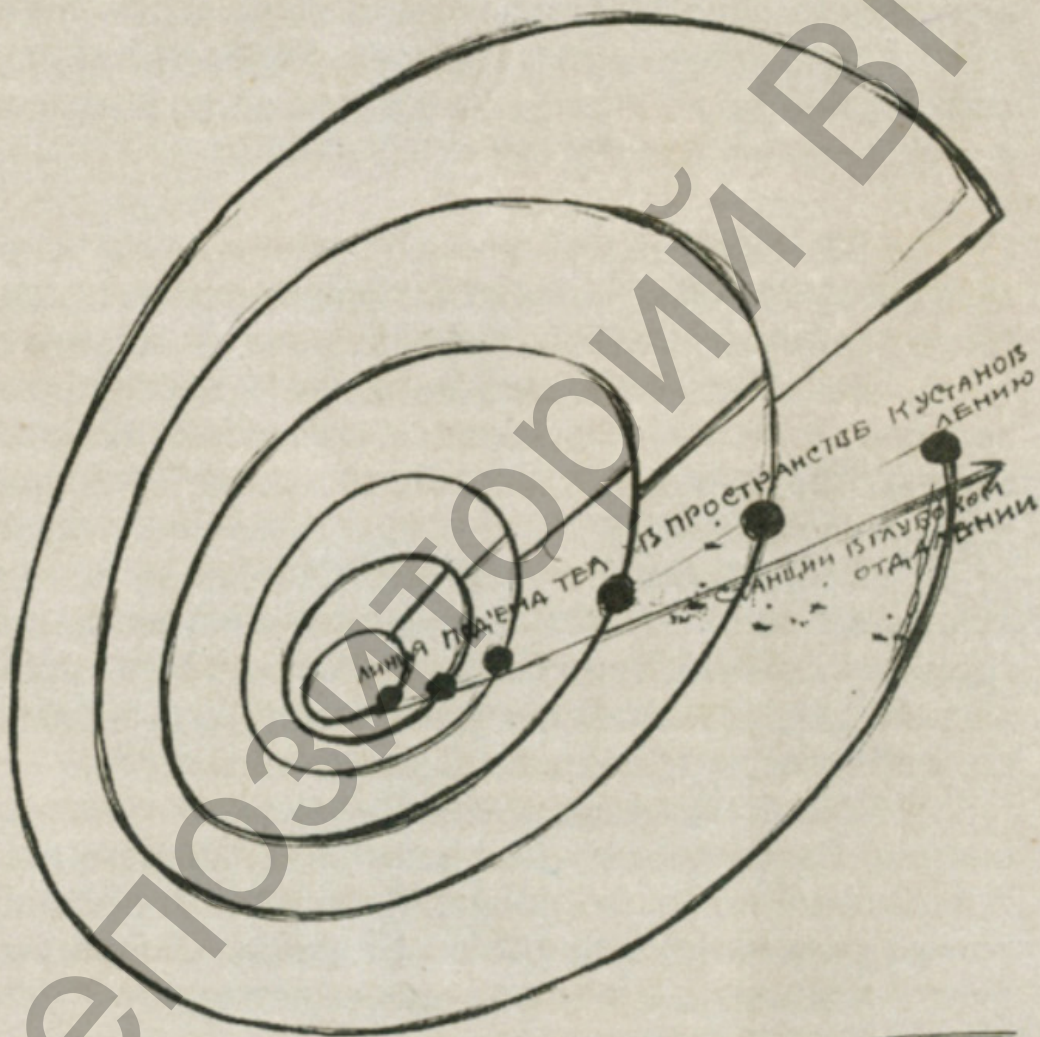
«Итак, “идеальность” не существует в природе, это воображение существует в человеке. Идеи как некоего атома не существует, но идея как нечто такое, во что должен воплотиться атом, существует, существует нематериальное идейное представление, во что материя должна воплотиться. <...> природа состоит из двух начал» [Мир как беспредметность... С. 102].

График всего движущегося указывает, кроме направления самого движения форм и материалов, на то, что в бессознательном обязательно находится некая форма, т.е. первоформа, позволяющая в материальном мире воплощаться в реальный материальный объект (сродни платоновским Эйдос). Это воплощение и есть область Логоса.

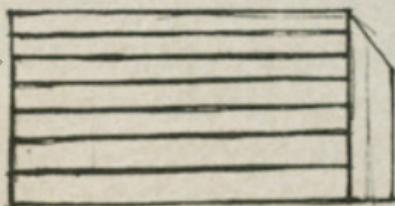
Целью всех размышлений Малевича является **обнаружение и вскрытие подлинности из** всего комплекса сущего, т.е. из фактической жизни обнаружение того, что **за** видимым: представлений, суждений; Мысль (математические формулы); и то, что за областью мысли, за областью идей – в поле возбуждения, где уже и математических формул нет.

ВСЕ ПРОИЗВОДСТВО ВЕЩЕЙ МОЖНО
РАСМАТРИВАТЬ КК ТЫСЯЧИ СПУТНИКОВ
ПРОХОДЯЩИХ ПО РАЗНЫМ СВОИМ СИСТЕМАМ
И ВСЕ ИЗМЕСТЕ БЕЖИТ ВОКРУГ ЗЕМНОГО ШАРА
ВСЕ ПРОИЗВОДСТВО-ЭНЕРГИЯ ЛЕТИТ НА РАЗНЫХ
РАСТОЯНИЯХ ОТ ЗЕМЛИ.

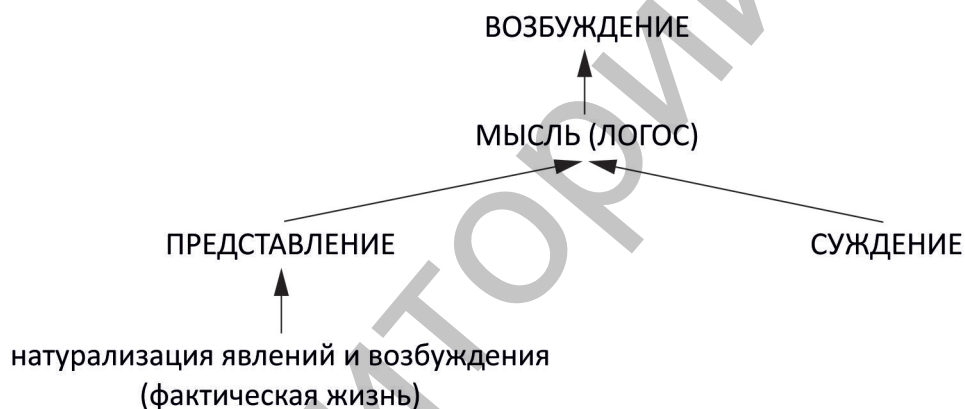
ГРАФИК ВСЕГО ДВИЖУЩАГОСЯ ИЗ НАЧЕРЧЕННЫХ КРУГОВЫХ
ЛИНИЙ ВОКРУГ ЗЕМН. ШАРА ВСЕ ДАЛЬШЕ ОТДАВИГАЮЩИХСЯ ОТ ЗЕМЛИ
КАЖДАЯ ТАКОВАЯ ЛИНИЯ ДВИЖЕНИЯ ОБРАЗУЕТ СОБОЮ ЭПОХУ НОВЫХ
ПРОИЗВОДСТВ, КАЖДАЯ ЭПОХА ПРОИЗВОДСТВ - НОВЫЙ ПРОСТРАНСТВЕН-
НЫЙ ПОЯС С НОВЫМИ ФОРМАМИ И МАТЕРИАЛАМИ.

ДОМ МНОГОЭТАЖНЫЙ, В ГЛУБОКОМ БЕССОЗНА-
ТЕЛЬНОМ ХРАНИЛ НОВУЮ ФОРМУ МНО-
ГОЭТАЖНЫХ НАСЛОЕНИЙ В ПРОСТ-
РАНСТВЕ ЭНЕРГИЙНЫХ МАТЕРИ-
АЛЬНЫХ ПЛАНОВ.

Рассмотрим малевичскую схему в обратном направлении, т.е. совершим мысленную операцию обратного движения для постижения базовых структур.

I.

На самом низшем уровне (**фактическая жизнь**) материя и дух человека враждуют за первенство: «Человек, занятый только предметными благами, занят животным делом» [Мир как беспредметность... С. 251].

Подлинность же для него находится за материальностью: «<...> по мере возрастания предметного харчевого труда пламя духовного возбуждения поднимется во главе всего предметного мира» [Мир как беспредметность... С. 252]. Малевич настаивает на том, что натуралистических объяснений (почему и каким образом происходит событие) недостаточно, они не приводят к совершенству и всегда не значимы.

«<...> с приговором научной непровержимости или доказанной реально действительности сегодня будет

прочтен новый <приговор – > реализм, доказавший доказанную реальность не действительной» [Мир как беспредметность... С. 262].

Осмысляя этот уровень, Малевич отделяет натурализм и чистое сознание. Линия различения проходит по отношению к главному вопросу философии: к действительности как к «харчевой культуре», т.е. действительности вне нашего сознания; и к сознанию как таковому:

■ **Бытие определяет сознание? Тогда сознание подчинено бытию. «Животные признаки развиваются все выше и выше, все сильнее и тяжелее становится его <зверя> бронированная нога на груди существа человека, и человеческому сознанию трудно подняться и осознать самого себя, увидеть свой человеческий признак, ибо его сознание находится во власти предметного технического бытия зверя» [Мир как беспредметность... С. 269]. Признак человека – в преодолении «харчевого», физического, предметного: сама наука («харчевое» производство и «харчевое» осмысление) не может объяснить себя, исходя из себя, из собственных посылок и целей, и нуждается в другом языке описания реальности. Истина не является физическим объектом;**

■ **«<...> царство бесцельных состояний, бесконечно вечных бессмысленных сложений миростроения <, где будут господствовать> культура бесцельного предметного распределения веса, стремление к познанию того, что**

никогда не может быть познано, но <лишь> разложено <на> чистый ритм возбуждения как источник полной беспредметности» [Мир как беспредметность... С. 269]. Осмысленное Малевичем представляет собой не просто и не только цель, это ещё и до-рефлексия.

Физический мир – мир ограничений, а личность не ограничивается стенами, она принадлежит неограниченному: «Ограничить личность – ограничить бесконечность!» [Мир как беспредметность... С. 276].

Для него принципиальным представляется вопрос:

«<...> если в действительности мир как реальное не существует и что реальное только в представлении нашего сознания, то какое представление творит точки совершенств в бытии общежития? И я полагаю, что мир также и все бытие нельзя назвать реально осязаемым, ибо что я осязаю, взявши в руки предмет, какие реальности? Я могу сказать, что чувствую вес, – вес и будет реальностью чувства. Но чего вес чувствую? И это “чего” будет скрыто» [Мир как беспредметность... С. 270].

Различая натурализм и чистое сознание, Малевич определяет главный онтологический разрыв в натуралистическом (естественнонаучном обосновании мира): «Экономический путь принят как верный, незыблемый “научно обоснованный исторический и всякий другой закон”, могущий привести жизнь к совершенству, победам всех вопросов. И всякое совершенство строится на этом “обоснованном законе”. <...> Теперь допускаю <...>, что совершенство всей технической сущности достигнет предела в совершенном абсолютном – достигнет синтеза синтезов. Все практические цели исчезнут, ибо

цель <будет> достигнута. И это совершенство должно повиснуть в пустыне как конечное (либо двигаясь в бесконечном) – как совершенная цель, у которой уже не будет никаких целей, т.е. наступит полная бесконечность» [Мир как беспредметность... С. 281].

Существует нечто более сильное, чем материальное, и истинное высказывание имеет не физическую природу. И здесь «бритва Оккама» не работает, потому что искусство, философия – не довесок к материальности, не пустое умножение сущностей, – это то, что определяет/ составляет внутреннюю бесконечность. В этом смысле Малевич разделяет «харчевое Искусство» и просто Искусство [Мир как беспредметность... С. 266]. Первое представляется как зеркало животной предметности, но даже в этом зеркале Малевич усматривает проблеск сознания, который приведёт человека к беспредметной культуре, к Супрематизму как первенству движения, т.е. прорыву сквозь предметность.

II.

На уровне **суждений** человек переорганизовывает свою жизнь, стремится к воплощению воли и разума во имя единства действия, соединяет в себе предметное и беспредметное. И по преодолении сложного пути человек входит в один план единого «Я».

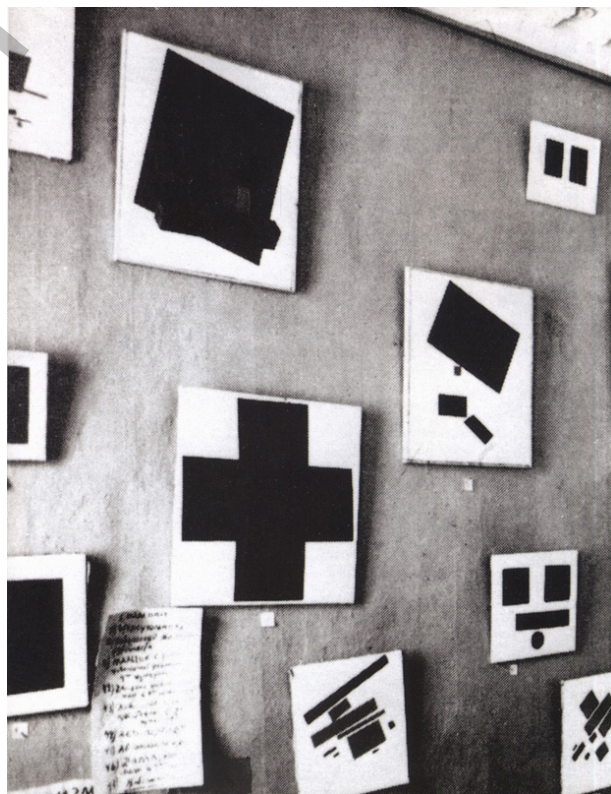
Это означает, в первую очередь, необходимость пройти по пути суждений и представлений в пространство взаимодействия идеальных платоновских форм в **области Логоса**: «Мир человека состоит из того, из чего сложен он сам, главным образом, разума, вне его нет ничего» [Мир как беспредметность... С. 251].

В развитии теоретической физики во второй половине 20 века возвращение к некоторым идеям Платона видел В. Гейзенберг: «Если мы хотим сравнить результаты современной физики частиц с идеями любого из старых философов, то философия Платона представляется наиболее адекватной: частицы современной физики являются представителями групп симметрии, и в этом отношении они напоминают симметричные фигуры платоновской философии» [Гейзенберг В. Природа элементарных частиц // Успехи физических наук. 1977. Т. 121, вып. 4. С. 665]. В. Гейзенберг подчёркивал первичность симметрии как свойства элементарных частиц, а не самое наличие частицы. По В. Гейзенбергу, современная физика ближе к Платону, чем к материалисту Демокриту. Мельчайшие частицы не являются основой мира, т.к. на фундаментальном уровне реальность нематериальна: база мира – это математические абстрактные формы, красота и логика математических законов.

В представлении Малевича, область абстрактных форм – это область первых двух видов его Супрематизма как завершённых в себе геометрических структур и область цвета (чёрного и красного): «В силу этих отношений в произведениях нового искусства начали исчезать образы, исчез признак изображения предметов, иллюстрация идеологий, отражение быта, – словом, изображения “как таковости” явлений жизни, и выдвинулась новая задача – выражения ощущения сил, развивающихся в психо-физиологических областях человеческого существования» [Малевич К. Форма, цвет и ощущение // Современная архитектура. 1928. № 5. С. 157]. Предмет исчезает, остаётся его идея, а это, у Малевича, уже категории рассудка. То есть Супрематизм – область метафизической конструкции. И в то же самое время это – область эйдосов – все ступени Супрематизма до белого. В этом смысле у мастера существует два основных контента – Петроградский и Витебский.

«Последняя футуристическая выставка “0,10”» в декабре 1915 года
в Художественном бюро Н. Добычиной

Представленный в Художественном бюро Н. Добычиной в декабре 1915 года на «Последней футуристической выставке картин “0,10”» «Чёрный квадрат» сконцентрировал в себе всю математическую схему мира, стоящего за видимостью натуральной фактической жизни: «Квадрат в белом обрамлении же был формой беспредметного ощущения. Белые поля это не поля, обрамляющие черный квадрат, но только ощущения пустыни, ощущение небытия, в котором вид квадратообразной формы является первым беспредметным элементом ощущения. Это не конец Искусства, как полагают еще до сих пор, а начало действительной сущности. Эту сущность не узнает общество, как не узнает артиста в театре в роли того или иного лика, ибо лик другой покрывает действительный лик. Супрематический квадрат в своих измерениях создает новые виды элементов и отношений между ними».

В дневниках В. Степановой замечалось, что эту выставку сам Малевич назвал последней, потому что он победил и футуризм, и кубизм своим супрематизмом: «“0,10” же имеет отношение к супрематизму, исходя из слов Малевича: ... “дошел до 0 формы”» [Малевич о себе... Т. 2. С. 176]. Степанова вспоминает, что, когда в ноябре 1918 г. собрались компанией художников у Н. Удальцовой, Малевич договорился «до точки», что запахло мистикой. Это она связывает с малевичской пропагандой супрематизма, с тем, что Малевич призывал отказаться от живописи, звал «проповедовать». Это были ранние малевичские лекционные наброски будущего философско/теоретического труда. В январе 1919 г. В. Степанова записала в дневнике: «Мысли Анти (А. Родченко. – Т.К.): “У Малевича – не живопись, а философия живописи <...>”» [Малевич о себе... Т. 2. С. 181].

На малевичской экспозиции в «0,10» 1915 г. вместе с работами было размещено несколько рукописных плакатов «Супрематизм живописи» и представлен манифест «От кубизма к супрематизму. Новый живописный реализм». Тогда же Малевич прокламировал тезис о том, что супрематизм – ключ к неосознанному: «Новая живопись не принадлежит земле

исключительно. Земля брошена, как дом, изъеденный шашлями. И на самом деле, в человеке, в его сознании лежит устремление к пространству, тяготение отрыва от шара земли». Это был его первый шаг сквозь видимую реальность.

Космологическое супрематическое устремление Малевича в одной фразе соединило платоновский и юнгианский архетипы, что очевидно из предпослания к «0,10» и наглядно показано в схеме «График всего движущегося»: отрыв от земли как от всего видимого/материального и проникновение в область бессознательного.

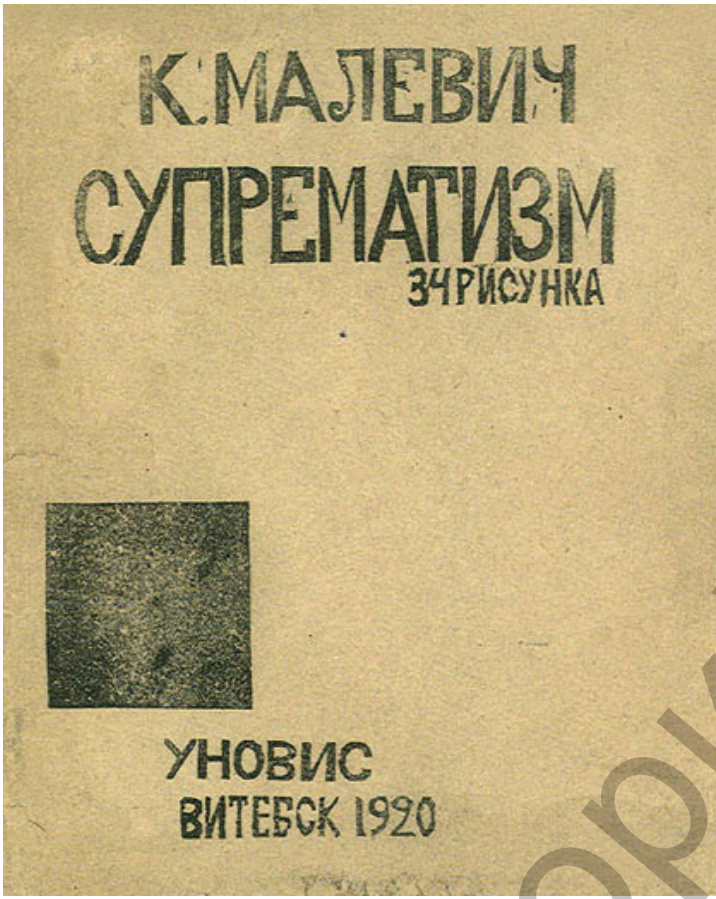
В трактате «Голова вселенной, время в пространстве» Велимир Хлебников так характеризует эту область: «Быстрота обогатится новой быстротой – быстротой мысли, а границы отдельных знаний исчезнут перед шествием чисел на свободе, брошенных в печать как приказы по земному шару. Вот они, эти виды нового творчества, возможного по нашему мнению».

«Поверхность Земли – 510051300 кв. километров; поверхность красного кровяного шарика, этого гражданина, этой звезды Млечного Пути Человека – 0,000128 кв. миллиметра. Между гражданином неба и гражданином тела заключен договор, вот он: поверхность земной звезды, деленная на поверхность звездочки кровяного шара, равна 365 в десятой степени (36510) – прекрасная созвучность двух миров, право человека быть первым на Земле. Это первая статья договора государства кровяных шариков с государством небесных шаров. Двуногий живой Млечный Путь и его звездочка заключили союз тристашестидесятипятиричности с Млечным Путем на небе и его большой звездой Земли. Мертвый Млечный Путь и живой здесь дали свои подписи как два равноправных правовых лица».

«В некоторых теневых чертежах Малевича, его друзьях черных плоскостей и шаров, я нашел, что отношение наибольшей затененной площади к наименьшему черному кругу есть 365. Итак, в этих сборниках плоскостей есть теневой год и теневой день. Я увидел снова в области живописи время приказывающим пространству. В сознании этого художника белые и черные цвета то ведут настоящие бои между собой, то исчезают совсем, уступая место чистому размеру» [Хлебников В. Собр. соч.: в 6 т. М., 2005. Т. 6, кн. 1. С. 35–36].

Витебский основной контент – брошюра «Супрематизм. 34 рисунка» (декабрь 1920 г.) представляет собой обобщение определённого количества построений, в которых супрематическая форма является знаком силы действия утилитарного мира, т.е. стремление вскрыть динамику разрывов материи в обнаружении механизмов действия беспредметного: «Супрематические три квадрата есть установление определенных мировоззрений и миростроений» [Казимир Малевич. Собр. соч.: в 5 т. М., 1995. Т. 1. С. 188]. Две первые ступени супрематизма – визуализация того, что можно только помыслить, это – мыслительные структуры. Но это и формулы реальности как таковой.

Уровень супрематических формул – уровень мысли (логоса) – уровень математических структур замечательно зафиксирован в воспоминаниях художницы Е. Гальпериной-Зельдович: «Беспредметная живопись, то есть живопись, в которой участвует композиция, цвет, фактура, но нет содержания. <...> Вернее есть. У Малевича было содержание – геометрическое. У него был очень строго выверенный квадрат, сочетание квадратов, треугольников – и все. У него не было вот таких этих самых мазков, переходов, какие были у Кандинского. Этого у него не было. У него было тонкое геометрическое построение плоскости картины, очень твердое отношение одного куска к другому, чтоб ничто не проваливалось. У него все держалось» [Малевич о себе... Т. 2. С. 213]. В своих дневниках летом 1922 г. Б. Эндер, один из ленинградских учеников Малевича, помечал: «Есть у человека возможность отделять мысль от тела, давая ему геометрию и Бога» [Малевич о себе... Т. 2. С. 269].

Издание брошюры Малевича. 1920

СУПРЕМАТИЗМ

Другие живописцы пытаются изобразить предметы, которые существуют в действительности. Они хотят изобразить человека, животное, пейзаж, архитектуру и т.д. Но искусство живописи не должно изображать предметы, а должно изображать формы. Живопись должна быть чистой, без всякого содержания. Она должна быть только формой. Это и есть супремотизм.

Супремотизм — это искусство чистых форм. Он не изображает ничего, кроме форм. Он не имеет никакого содержания. Он не пытается изобразить ничего, кроме чистых форм. Он не интересуется никакими другими проблемами живописи. Он только создает формы. Это и есть супремотизм.

Супремотизм — это искусство чистых форм. Он не изображает ничего, кроме форм. Он не имеет никакого содержания. Он не пытается изобразить ничего, кроме чистых форм. Он не интересуется никакими другими проблемами живописи. Он только создает формы. Это и есть супремотизм.

1

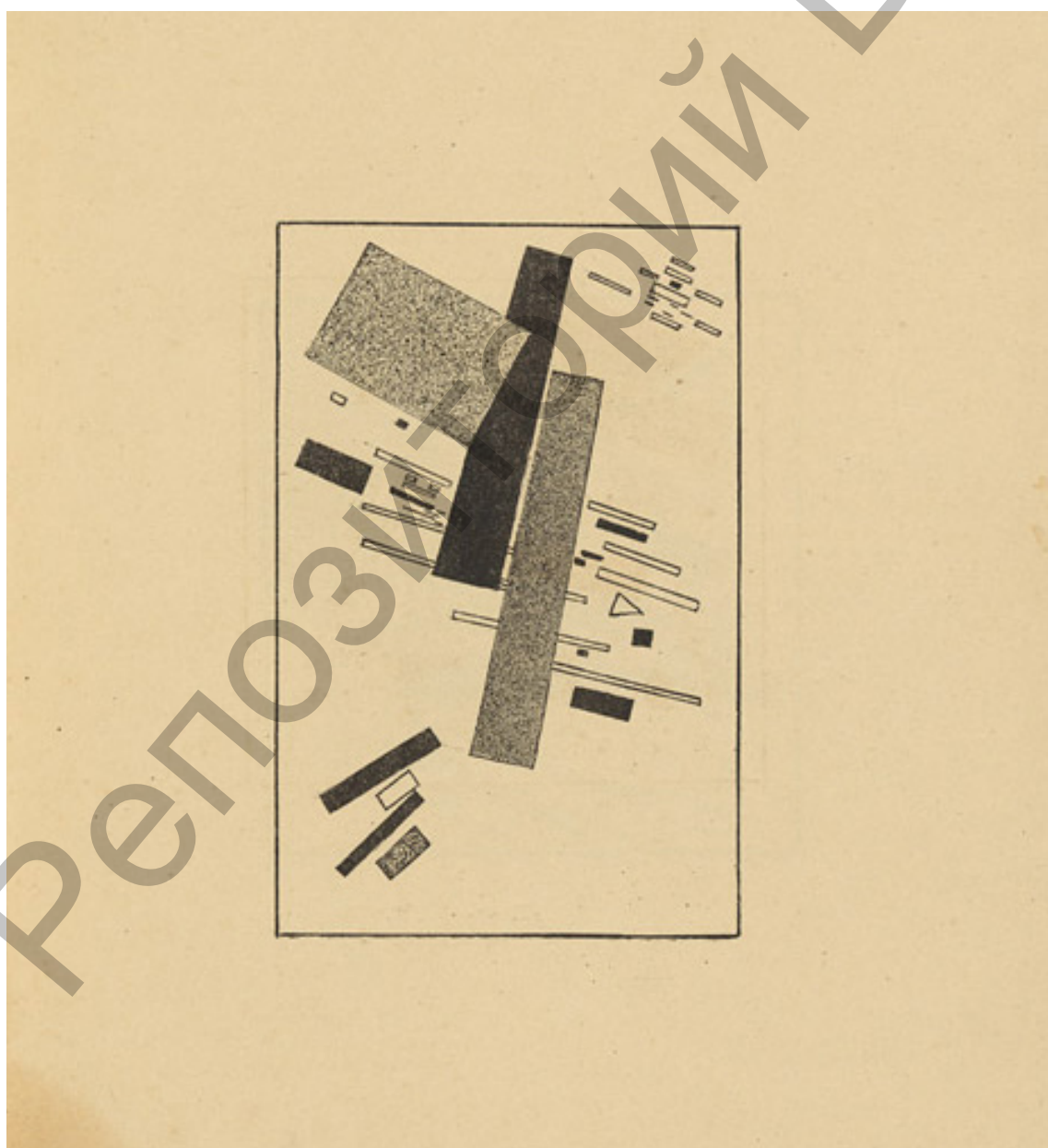
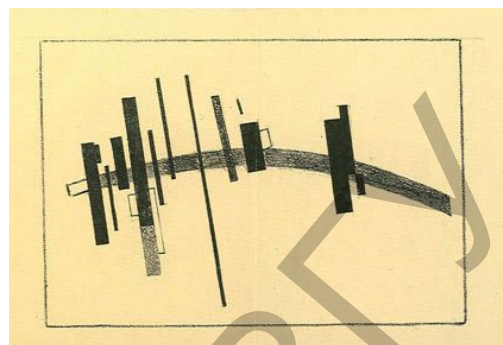
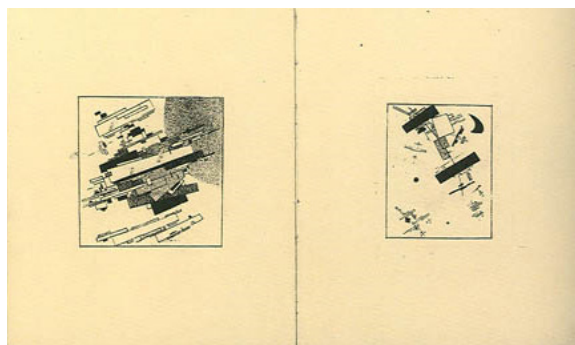
Контрастность красочная. Такие образы, супремотизм, выражаются в чистых формах. Это и есть супремотизм. Это искусство чистых форм. Оно не изображает ничего, кроме форм. Оно не имеет никакого содержания. Оно не пытается изобразить ничего, кроме чистых форм. Оно не интересуется никакими другими проблемами живописи. Оно только создает формы. Это и есть супремотизм.

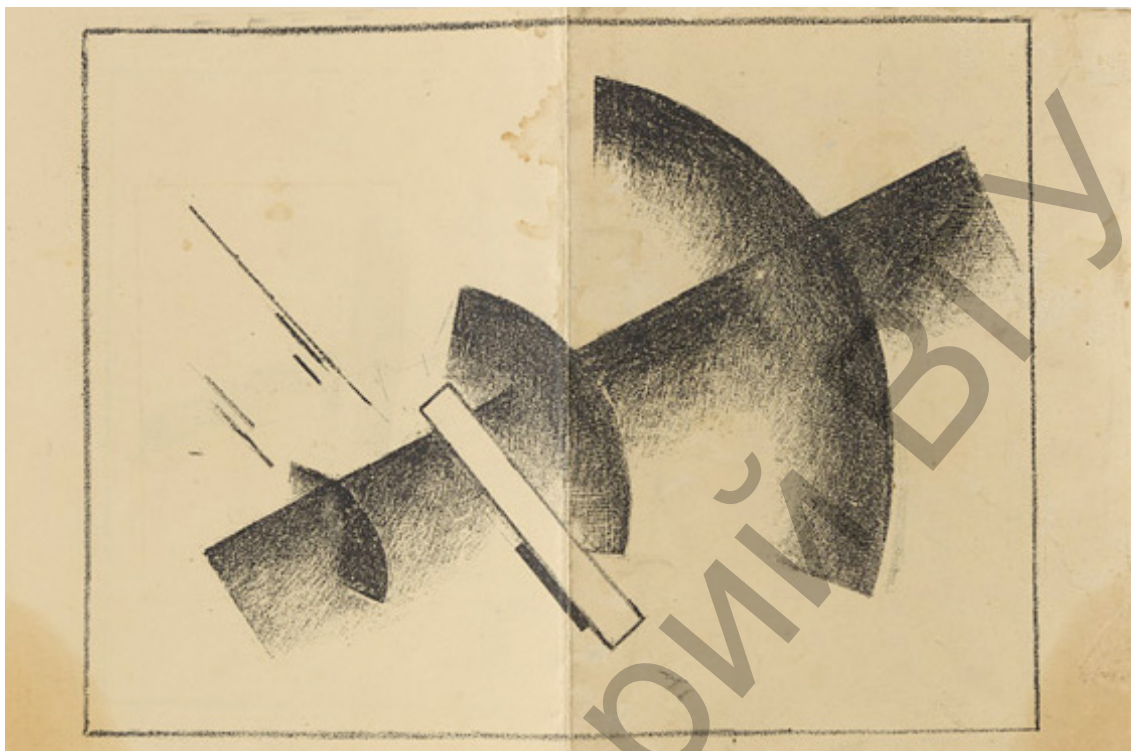
Супремотизм — это искусство чистых форм. Он не изображает ничего, кроме форм. Он не имеет никакого содержания. Он не пытается изобразить ничего, кроме чистых форм. Он не интересуется никакими другими проблемами живописи. Он только создает формы. Это и есть супремотизм.

Супремотизм — это искусство чистых форм. Он не изображает ничего, кроме форм. Он не имеет никакого содержания. Он не пытается изобразить ничего, кроме чистых форм. Он не интересуется никакими другими проблемами живописи. Он только создает формы. Это и есть супремотизм.

3

МАЛЕВИЧ/МЕТАФИЗИКА: БЕЛЫЙ СУПРЕМАТИЗМ

Мир видимый представлен в витебском контенте как производное от базовых математических/супрематических структур. То есть, когда Малевич подчёркивает, что будущие объёмные тела (в данном контексте имеются в виду архитектурные построения) и любые утилитарные объекты соотносятся с пространством масс планетной системы как осуществление плана построения объёма вообще, – мы понимаем, что плоскостный супрематизм и есть этот самый план, базовая математическая структура – то, с чего информация считывается. Эта часть малевической матрицы мира: супрематический проект – чертёж архитектуры: число затем воплощается в материю.

Супрематические фигуры
(числа) – нематериальные формы

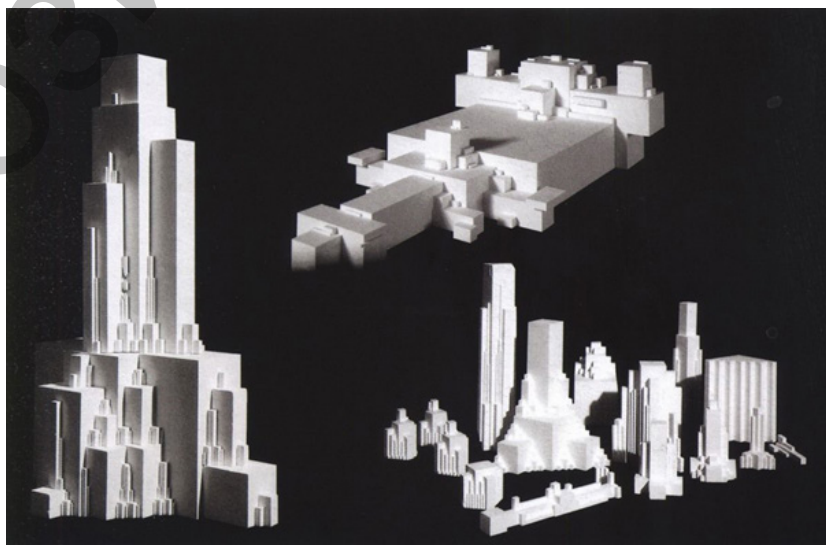
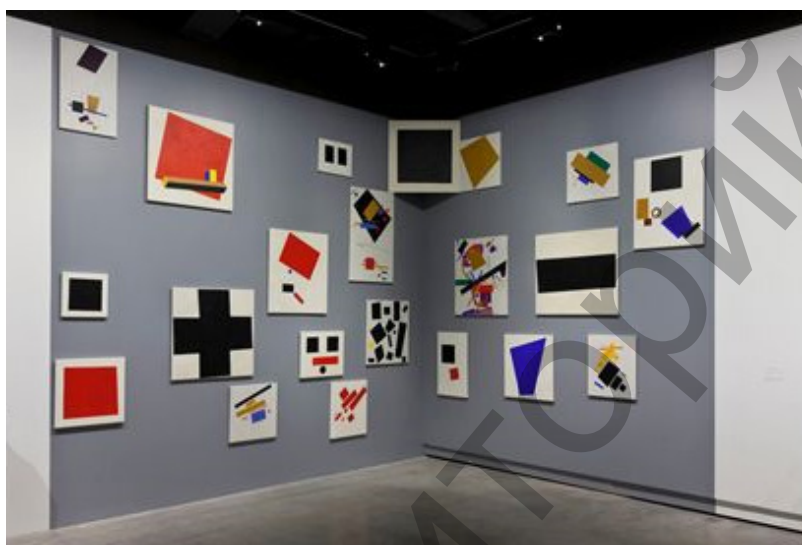
Архитектура – объём,
материальные формы

Супрематическая живопись. 1915–1916.
Музей имени Вильгельма Хака в Людвигсхафене

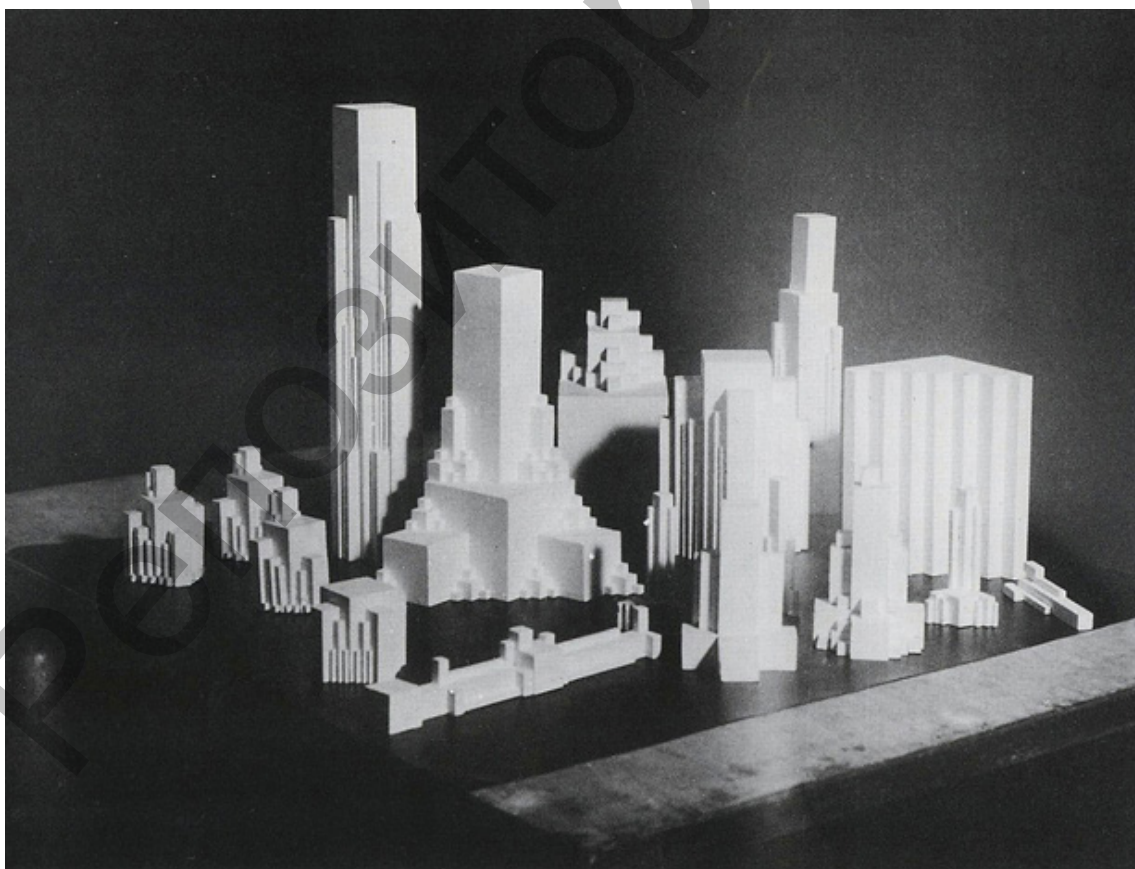
Супрематизм. 1915. Стеделик Музей. Амстердам

Архитектон «Бета». 1926.
Супрематический орнамент. 1927. Центр Жоржа Помпиду. Париж

Архитектон «Гота». 1923. Центр Жоржа Помпиду. Париж

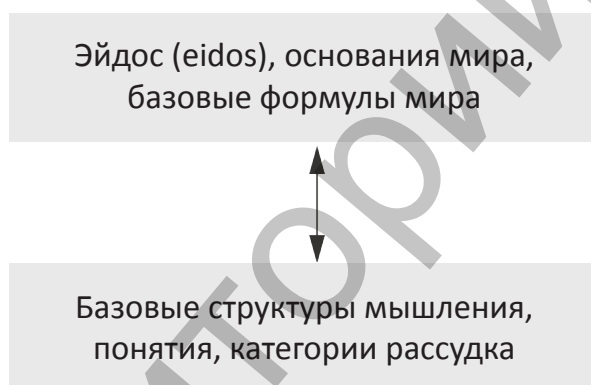

Супрематический орнамент. 1927. Центр Жоржа Помпиду. Париж

Малевич в экспериментальной лаборатории ГРМ. Ленинград. 1932. Фрагмент фотографии

СУПРЕМАТИЧЕСКИЕ ФОРМЫ/ФОРМУЛЫ – МИР МЫСЛИ И МИР БАЗОВЫХ СТРУКТУР

Это самый нижний и глубокий слой данного уровня, где сознающий осознаёт базовые структуры и переводит их с языка бессознательной математики на язык самих формул.

- Один из выдающихся математиков 20 в. Людвиг Фаддеев (Золотая медаль Планка), в самой крупной своей работе рассматривавший уравнения Янга-Миллса, носившие совершенно абстрактный характер, подчёркивал их удивительную красоту и то, что именно эта абстрактная красота привела к открытию микрочастиц (кварков и лептонов). Даже появился термин «духи Фаддеева»: реально фиксируемые частицы могут быть порождены мыслью.
- В философии Платона Герман Коген и другие марбургцы выдвигали на первый план: 1) интерпретацию математических объектов как особого вида бытия; 2) понимание идеи как сущности, прообраза эмпирически данных предметов.

Механизмы сознания способны далее провести человека в область возбуждения: «Возбуждение является единством моим с вселенной бесконечностью» [Мир как беспредметность... С. 240].

Сознание, по Малевичу, – это один из первых моментов различия единого, и его результат – осознание формы. А затем наступает единое белое.

III.

ВОЗБУЖДЕНИЕ

Возбуждением называют переход частицы на вышележащий неустойчивый энергетический уровень, переход системы из основного энергетического состояния в состояние с большей энергией.

Одно из толкований возбуждения связано с состоянием экстаза. И соединение с предметом познания, самый этот момент/процесс античными философами и Дионисием Ареопагитом, к примеру, обозначается как экстатический (экстасис, ἔκ-στασις), как особое состояние сознания с утратой границ познающего, как высшее экстатическое интеллектуальное чувство причастности к всеобщности, к тому, что **вне** познающего.

Малевич настаивает на том, что за формой стоит энергия, и именно её преобразования меняют форму: «черное и белое в супрематизме служат как энергии, раскрывающие форму».

Определяя онтологический статус возбуждения, Малевич подчёркивает:

«Началом и причиной того, что называем в общезнании жизнью, считаю возбуждение, проявляющееся во всевозможных формах как чистое, неосознанное, необъяснимое, никогда ничем не доказанное, что действительно оно существует, нет в нем числа, точности, времени, пространства, абсолютного и относительного состояния» [Мир как беспредметность... С. 282].

«<...> все совершенства предметного практического сознания человека будут тогда, когда будет побежден вопрос жизни и смерти движений, когда <человек> выведет себя в образ ответа, и этот ответ будет новым началом бессмертным» [Мир как беспредметность... С. 281].

Возбуждение не имеет причины, не имеет закона, и только в состояниях реального и натурального трансформируется в ритм: «без этого ритма ничто не может двигаться и создаваться», и ритм не имеет границ. Весь предметный мир заключает в себе возбуждение как беспредметное. Это – стихийная сила, поток сознания.

Возбуждение, по Малевичу, это – взаимосообщение мира и человека: «Только через возбуждаемость я ощущаю нечто». При этом очевидно, что это понимание не относится к простым ощущениям и только к чувствованию, даже когда Малевич говорит о восприятии мира художником. Момент встречи потока сознания (возбуждения) с личностью – это творческий акт, момент **самосоздания**, точка самосоздания.

- Во-первых, потому что его волнует торжество космоса, вселенной, но не непосредственный контакт с утилитарным миром.
- Во-вторых, он осознаёт в явлениях мета-масштаба отсутствие каких бы то ни было целей.
- В-третьих, силу возбуждения Малевич связывает с Белым супрематизмом, система которого не материальна: «Сознание в белом Супрематизме не оперирует разновидностями материалов, как только возбуждениями, следовательно, становится в систему природных возбуждений, и потому Супрематическое построение имеет одну последнюю основу измерения, в котором нет ни границы, ни цифры» [Мир как беспредметность... С. 231].
- В-четвёртых, даже если ухватить малевичскую метафору простого отражения – «через возбуждение познает и наука “мир”, вскипает разум, поджигаемый возбуждением <...> и всё в нем отражает» – то это всё-таки опровергается более сложной расшифровкой первоначального утверждения: «Воспринимается мир ни вещей, ни их оболочек, мир воспринимается только как соединение возбуждений от восприятия явлений как всяких категорий и различий, творимых в понятиях» [Мир как беспредметность... С. 232].
- В-пятых, как основной вывод: «Но если мир – возбуждение, то какое в нем возможно было бы бытие?». Ответы Малевича следующие: 1) «Бытие как понятие одна форма сознания, а возбуждение вне этого. Всякая вещь существующая еще не есть бытие, ибо она только признак его. Бытие всегда скрытно и непознаваемо как форма, бытие вне времени и границ». 2) «Весь видимый мир не есть бытие, но только суждение, вторая ступень возбуждения». 3) «Возбуждение нельзя отнести к форме, ибо форма внешне кажущийся признак явления, что и потрясает человека, вызывая

в нем новые представления <...> Потрясается ничто, потрясение только есть соединение, включение-выключение движущихся возбуждений» [Мир как беспредметность... С. 233].

И вновь итогом рассуждений о статусе возбуждения, статусе форм бытия как сознания, как суждения становится положение Искусства как единственно возможного пути, отличного от всяческих других практик. Искусство – проводник возбуждения, оно не касается бытия, оно не осязает вещей. Оно в состоянии сделать бытие искусством, а не быть на службе у бытия: «Выход же один – беспредметный. Беспредметный Супрематизм мыслит таковую культуру как мир возбуждений, реализованный через его систему явлений» [Мир как беспредметность... С. 233]. И здесь Малевич категорически опровергает установку Шопенгауэра о том, что «внутренняя пустота служит истинным источником скуки, вечно толкая субъекта в погоню за внешними возбуждениями с целью хоть чем-нибудь расшевелить ум и душу» и выступает как фихтеанец.

«<...> впереди поставлена идея, рождающая символы, вещи, предметы, орудия, а образ – символ художественный – есть то, к чему должны прийти все предметы как к совершенству. Материя в этом случае есть только средство для выражения идей, но не материи, поэтому материя никогда не существует в утилитарном предмете, хотя весь предмет и сделан из нее, но это не она. Предмет, принявший образ, выходит из утилитаризма»
[Казимир Малевич. 1/49. Мир как беспредметность. Труд и отдых // Казимир Малевич. Собр. соч.: в 5 т. М., 2003. Т. 4. С. 231].

По Фихте, сознание само себя создаёт и подтверждает себя, т.е. показывает своё существование через акт суждения. Сознание – это постоянные

вспышки. Сознание проходит через нас, сквозь нас, а наше Я полагает самое себя, осознаёт самое себя как сознание. Акты сознания – это невидимые нити, которые удерживают и связывают всё вокруг нас, и благодаря ему проступают предметы. Предметы ограничены в пространстве и времени, они конечны, а сознание безгранично и бесконечно. Сознание каждого из нас – деятельность общего сознания, его энергии.

Малевица будут называть солипсистом, как и Фихте солипсистом называли Гегель и Шеллинг. Однако не индивидуальное Я интересовало Малеви-ча (и Фихте): имелось в виду сознание, которое в каждом осознаёт себя как эту мощную сверхсилу.

Фихте: «Я хочу сам себя определять, сам быть последним основанием, свободно хотеть и ставить себе цели. Мое существование должно определяться моим мышлением, а мышление – исключительно самим собой». Мышление производит предмет из себя самого, и вся реальность – это интеллегибельная, мыслимая реальность, а картина реальности – результат сознания. В основании данного постулата находится представление об абсолюте, об абсолютном мышлении, чистом Я. Человеческий разум же явление, проявление сознания абсолютного.

Фихте («Основа общего наукоучения»): «Положением $A=A$ осуществляется суждение. Всякое суждение есть, согласно эмпирическому сознанию, некоторое действие человеческого духа; ибо оно обладает в эмпирическом самознании всеми условиями действия. В основании же этого действия лежит нечто, в свою очередь уже не основывающегося ни на чем более высоком, а именно $X=Y$ есмь. Следовательно, нечто, безусловным образом положенное

и на себе самом основанное, есть основание некоторого достоверного действия человеческого духа, стало быть, является собою его чистый характер – чистый характер деятельности как таковой. Значит, полагание Я самим собою есть его чистая деятельность». В каждом суждении мой дух себя утверждает, сознание себя утверждает. Но нет в мире ничего, что могло бы проявить самое сознание, т.к. сознание – это абсолют, чистая энергия».

В понимании сознания как абсолюта Фихте и Малевич сходятся, здесь становится очевидной и внятной малевичская беспредметность, философская и изобразительная: предметы конечны и ограничены, и с их помощью невозможно схватить мир, с их помощью невозможна целостность. Можно говорить только о беспредметности как сознании, о неисчерпаемости потенциала сознания, о его объективной основе/природе, о его творческой силе.

возбуждение как поток сознания

творческий акт
самосоздание

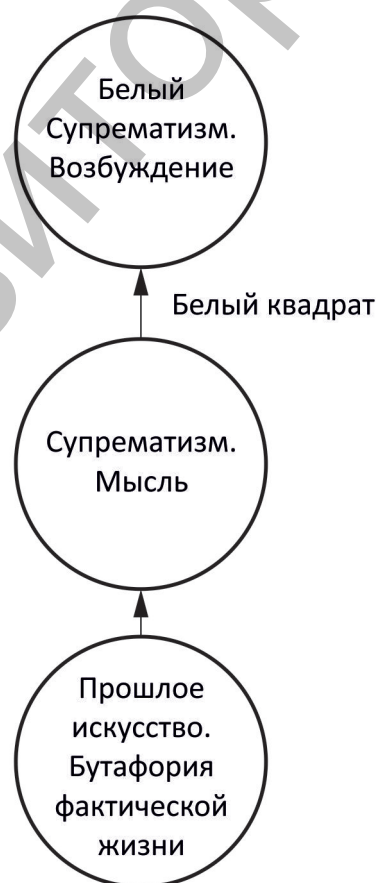
мысль
как
самосознание

IV.

ВОЗБУЖДЕНИЕ. БЕЛЫЙ СУПРЕМАТИЗМ

«Искусство как умение подражаний – это был один гений Искусства. Гений Нового Искусства воплощается в возбуждение, он как возбуждение, как бытие, как действительность вступает в свою Супрематию» [Мир как беспредметность... С. 235].

«Движение Супрематизма направлено к этому – направлено к новой белой беспредметной природе белых возбуждений как высшей точки или покоя, или движения белого сознания, белой чистоты» [Мир как беспредметность... С. 235].

Нижний уровень этой схемы – классическое искусство, порабощённое государством и религией: «Ни общество, ни Государство, ни Религия не занимаются Искусством. Наоборот, они поработили его для своих нужд и необходимости, чем и сделали Искусство как бы производным своей идеи. Сделали его чистым животным, ибо идея последних – животное совершенство как техника харчевых удобств» [Мир как беспредметность... С. 243].

В 20 веке сущность искусства выявилась, освободилась, и удалось выйти к беспредметному:

- Во-первых, Малевич создаёт грамматику искусства, визуализируя/проявляя его универсальные структуры, т.е. проясняет схемы художественного мышления и инструментарий искусства.
- Во-вторых, Малевич сопрягает материю искусства (сам объект/холст/краски) с сознанием и миром математики (геометрия супрематизма).
- В-третьих, супрематизм Малевича – это акт сознания, благодаря которому проступают фундаментальные формулы не только искусства, но и самой реальности. Это – картирование искусства, а также картирование реальности.
- В-четвёртых, Малевич доходит до предельной реальности, до конца, до самой глубины, до «горизонта событий».

Малевич подчёркивает, что в этой точке, т.е. на уровне Супрематизма/Мысли, обретается истинный путь, на котором культура разделяется на практическую-целеполезную-утилитарную и беспредметную: «<...> его (супрематизма. – Т.К.) сооружение не предметно, не составляется из разновидности отношений, в сооружении его нет разниц, сил, одно состояние. В нем существует предел, в котором воплотились все разные отношения в единое сознание формы» [Мир как беспредметность... С. 244]. Материалы и цвет в супрематизме исчезли и пришли к «высокому геометризму сознания». В этом смысле на данном уровне происходит супрематическое чистое глубокое проникновение в мир, разложение мира на составляющие элементы

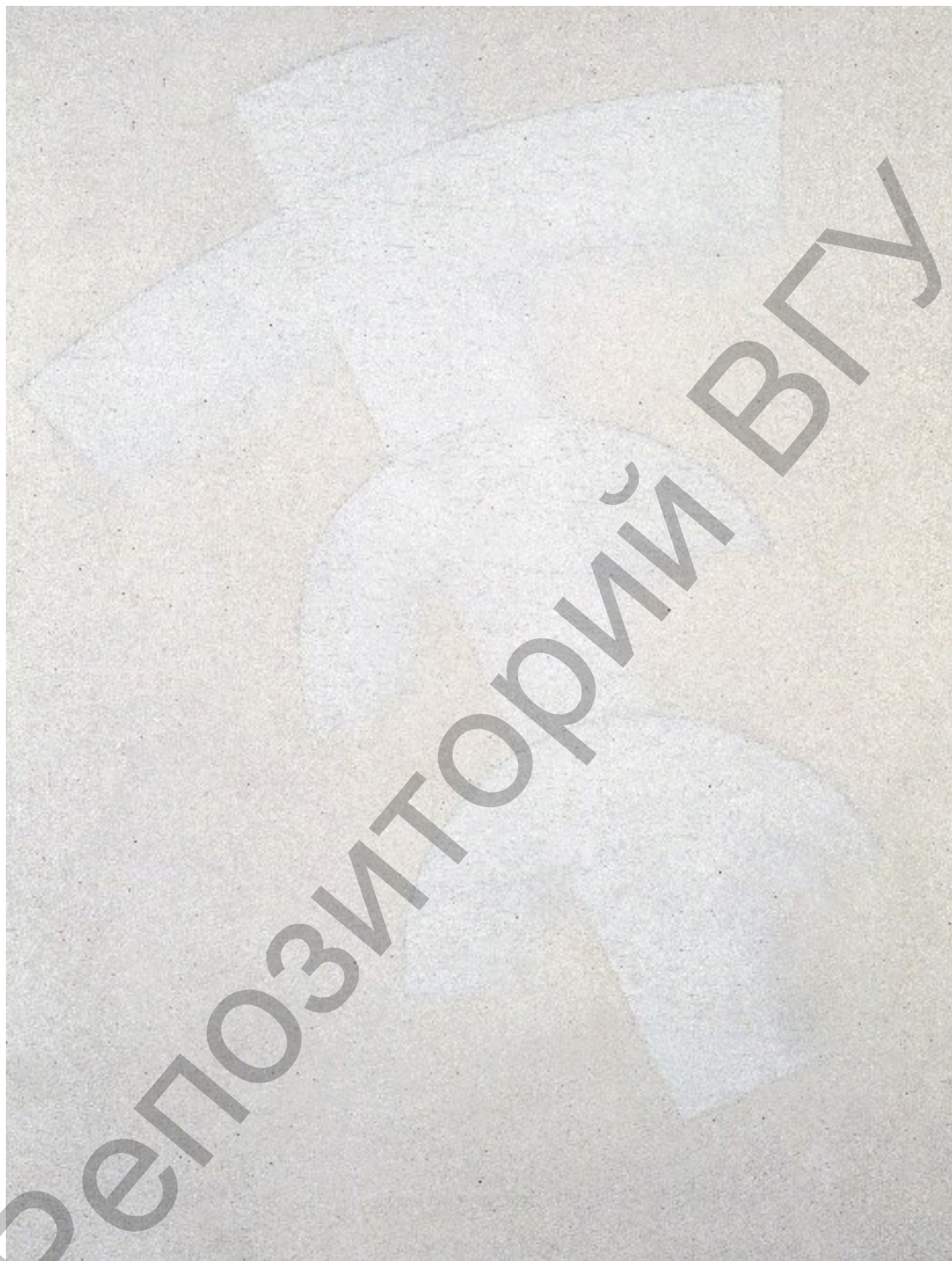
Супрематическая композиция. Белое на белом. 1918.
Музей современного искусства. Нью-Йорк

и синтезирование мира в виде формул/отношений. Что-то вроде сети, с помощью которой мысль улавливает реальность. Для Малевича этот уровень является чрезвычайно важным коридором/способом/методом/воронкой («горизонтом событий») мыслительного и действенного выхода из рабства мира практического/харчевого.

И далее переход на следующий уровень через Белый квадрат.

Супрематизм (Белый супрематический крест).
1920–1921. Стеделик Музей. Амстердам

Супрематизм (Конструкция). 1918. Стеделик музей. Амстердам

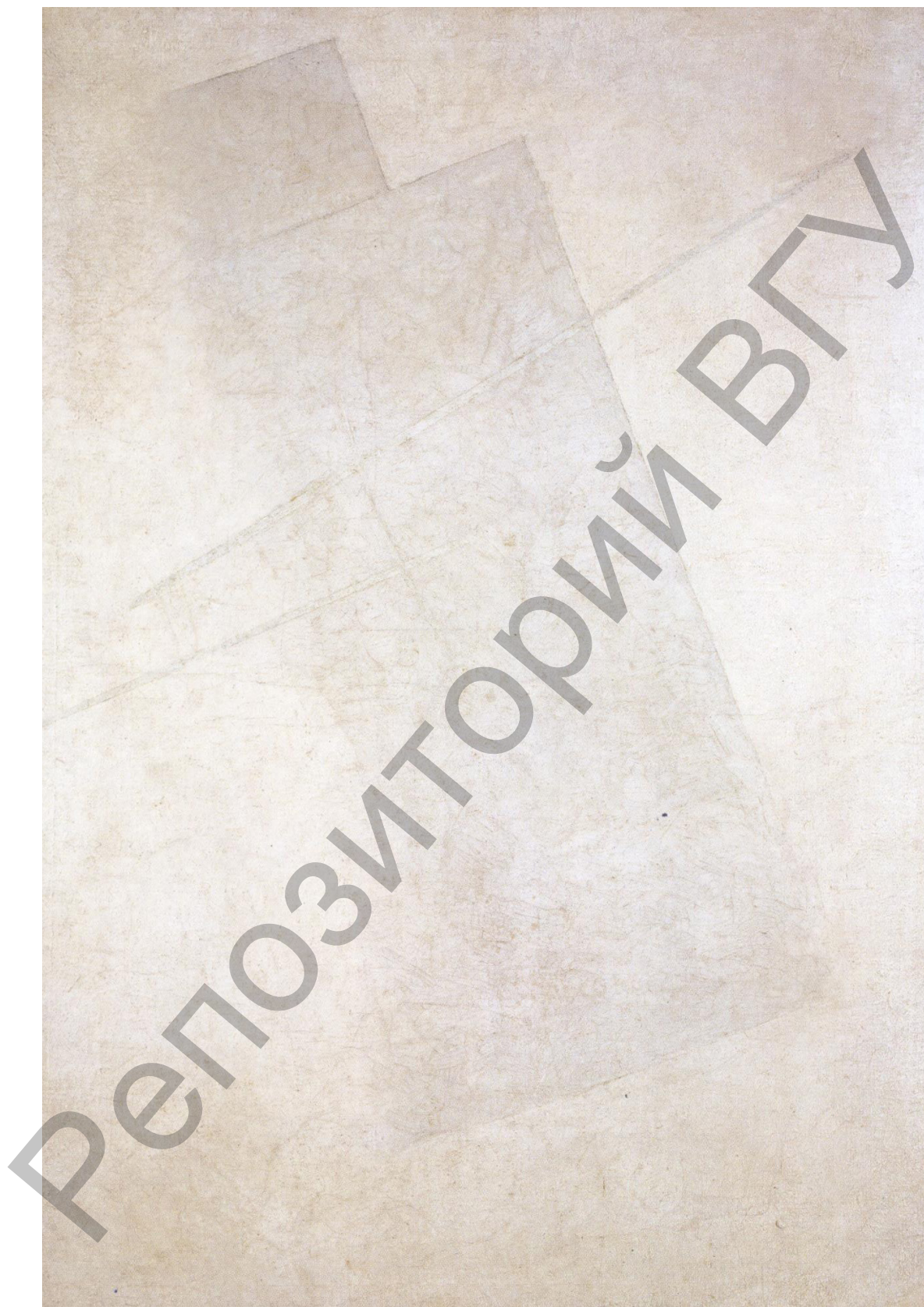
В своих дневниках Б. Эндер подчёркивал: «Малевич переходит прямым путем от предметного к беспредметному в точке своего белого квадрата» [Малевич о себе... Т. 2. С. 268].

«В белом наступает момент, когда сознание человека во всех своих движениях через использование всех средств или сил в природе придет к белому, это форма, которая установилась в супрематизме в виде белого квадрата» [Мир как беспредметность... С. 245].

Малевич представил Белый Супрематизм в апреле 1919 г. на выставке «Беспредметное творчество и супрематизм». Записывая в своём дневнике события этой выставки, В. Степанова помечала: «Анти (А. Родченко. – Т.К.) объяснил Малевичу, что у него лучшие вещи – натолкнул его опять на философию» [Малевич о себе... Т. 2. С. 191].

М. Гершензону из Витебска в самом начале 1921 г. Малевич писал: «<...> да еще мерещатся какие-то “Белые проблемы”, исходят из белого супрематического квадрата» [Малевич о себе... Т. 1. С. 134]. Белые проблемы соотносятся с названием «Белая мысль», первоначальным вариантом названий основного витебского философского трактата.

На высшем уровне нашей схемы через белый квадрат движение идёт в Супрематический белый мир: «Все различия и вся сутолока цветного возбуждения, а также черного поглотиться белым. Возникнет большой спор между цветными возбуждениями, но исследование движений по центрам развития человека докажет, что все его усилия идут к белому» [Мир как беспредметность... С. 243]. **Белый мир – главное состояние возбуждения**, это связано с безграничностью: «Белый супрематизм потому белый, что он происходит из вывода естественного развития движения цветного сознания (чёрный и цветной Супрематизм как формулы мира. – Т.К.) через центры

Супрематизм. 1917–1918. Стеделик Музей. Амстердам

культуры человека, которые состоят из движения» [Мир как беспредметность... С. 179]. Живописная философия Белого Супрематизма освобождает и растворяет всё, даёт абсолют, «ничто».

Возбуждение, по Малевичу, имеет три состояния: 1) возбуждение взаимодействия; 2) мысль о представлении реального; 3) осуществление реальности в действительности.

Эта малевичская триада соотносится с трёхступенной структурой абсолютной идеи Гегеля, где идея обнаруживается в материальном мире; саморазвивается, порождая собственные ресурсы; завершает абсолютную целостность всего.

Все эти состояния возбуждения, выведенные логикой и интуицией, Малевич стремится объединить снова: «В отличие от всех деяний человеческой мудрости я пытаюсь установить новое установление, противопоставленное всему предметному человеческому строю мысли, – беспредметное начало, начало беспредметного бессмыслия» [Мир как беспредметность... С. 323].

Безличный Абсолют как духовное начало по Гегелю отвечает малевичскому пониманию **Ничто** как создающего первоначала, точки и исходной субстанции для всего сущего, но это не только гегелевская совокупность категорий условия формирования мира, но и энергия, проникающая во всё сущее, возбуждающая его собственное самосозидание. Бытие по Гегелю сравнимо с Ничто, однако Малевич синтезирует Бытие и Ничто, и если по Гегелю подобное объединение есть становление, то по аналогии с подобным можно возбуждение определить как бесконечное становление.

Малевичский трактат «Супрематическое зеркало» (СЗ) 1923 года является проявлением данной совокупности. СЗ – это:

- во-первых, визуализация платоновской метафоры «зеркала» как механизма познания и формулы самопознания и платоновской идеи отражения мысли в центре нашей духовности как зеркале целостности, своего рода медитации для спокойного внутреннего отражения реальности;

- во-вторых, формула возбуждения;
- в-третьих, пробуждение и подключение к возбуждению во имя осознания беспредметности и бесконечности, к вечности.

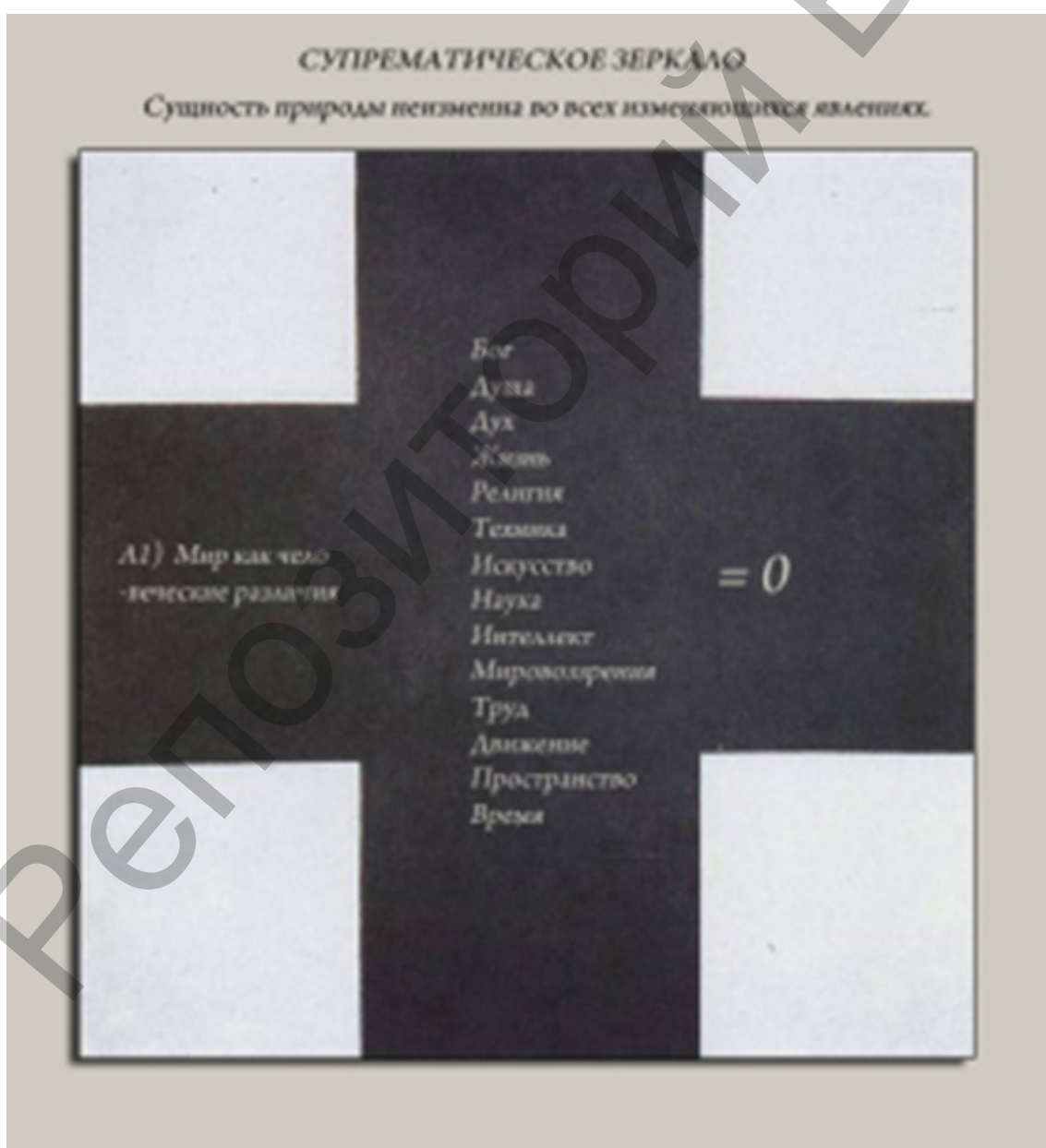
Малевич работал циклами, и многие его труды представляют собой отдельные фрагменты единого дискурса, кодекса. СЗ создано после переезда в Петроград и стало примером ядра кодекса, т.е. словесно-математическим уравнением возбуждения: «Амбивалентная сущность Ничто, заключавшего в себе Всё и vice versa, была выражена с прямодушной, непреложной наглядностью» [Шатских А. Слово Казимира Малевича // Казимир Малевич. Собр. соч.: в 5 т. М., 1995. Т. 1. С. 14].

«Сущность природы неизменна во всех изменяющихся явлениях

A1) Мир как
человеческие
различия

Бог
Душа
Дух
Жизнь
Религия
Техника
Искусство
Наука
Интеллект
Мировоззрения
Труд
Движение
Пространство
Время

=0

1) Науке, искусству нет границ, потому что то, что познается, безгранично, бесчисленно, а бесчисленность и безграничность равны нулю.

2) Если творения мира пути Бога, а «пути его неисповедимы», то он и путь равны нулю.

3) Если мир – творение науки, знания и труда, а творение их бесконечно, то оно равно нулю.

4) Если религия познала Бога, познала нуль.

5) Если наука познала природу, познала нуль.

6) Если искусство познало гармонию, ритм, красоту, познало нуль.

7) Если кто-либо познал абсолют, познал нуль.

8) Нет бытия ни во мне, ни вне меня, ничто ничего изменить не может, так как нет того, что могло бы изменяться, и нет того, что могло бы быть изменяемо.

A2) Сущность различий. Мир как беспредметность» [Малевич К. Супрематическое зеркало // Малевич К. Черный квадрат. Статьи. СПб., 2013. С. 60–61].

Нулевая константа, Ничто, пустота, вечный покой и т.д. это – высший уровень осознания истины, где все практические деяния отсутствуют. Без осознания этого существовать на уровне мысли и на уровне практики невозможно, т.к. без этого жизнь превращается только в харчевость, целиком в харчевость.

«Супрематическое бесконечное белое дает лучу зрения идти, не встречая себе предела. <...> В чисто цветовом движении – три квадрата еще указывают на угасание цвета, где в белом он и исчезает» [Малевич К. Супрематизм // Казимир Малевич. Собр. соч.: в 5 т. М., 1998. Т. 2. С. 34].

«Таким образом, в белой системе Супрематизма достигается только форма единства. К какому пределу оно придет – остается закрытым; но возможно предполо-

жить, что белый квадрат будет началом и заключением, т.е. полосы движения белого будут иметь по обоим концам кубы белые» [Мир как беспредметность... С. 245].

«Мир движется к чистоте и в белом Супрематизме начнется его новое бытие» [Малевич о себе... Т. 1. С. 128].

Из записей В. Стерлигова, одного из ленинградских учеников К. Малевича: «Белое в белом – нравственность современности. Белый квадрат на белом квадрате. Где-то, когда-то, в каком-то уголке Вселенной один маленький человек правильно подумал о куске всеобщей Истины и воплотил ее. Он написал белое на белом. Белый квадрат на белом квадрате. Это ли не пример чистейшего прикосновения к Истине и не пример ли это прекрасной фантазии, освобожденной от всяких излишеств, когда это так, то имя сотворившего исчезает и сотворенное становится безымянным...» [Малевич о себе... Т. 2. С. 403].

Для Малевича белый супрематизм – новое беспредметное действие. Сквозь предмет, через цвет – в чёрное/белое – и, наконец, в исключительно белое как чистое единство. Логично для него то, что, если в мире нет ничего подлинного и всё – только непрочность, единственным прочным может быть только единая беспредметная плоскость. Если человек не в состоянии двигаться в будущее по линейному времени, по горизонтали, из-за того, что это – всегдашняя иллюзия, то единственно возможное средство достижения целостности – это движение по вертикали вниз и в глубину – в область бессознательного или вверх – в область возбуждения вселенной. Это – ядро его философской концепции.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

КОНЦЕНТРИЧЕСКИЕ КРУГИ К. МАЛЕВИЧА

1. *«Если же мир бесконечен, т.е. не имеющий концов, ни начального, ни конечного, то и бесконечны обстоятельства передвижения веществ. Бесконечна отсюда и гранность, если это так, то доказывается, что реальность мира не может быть выявлена, так как нет предела, нет ни начала, ни конечности, а при этом условии может быть только “ничто” <...>»* [Казимир Малевич. 1/41.Беспредметность // Казимир Малевич. Собр. соч. в 5 т. М., 2003. Т. 4. С. 87].

2. *«Закон творит различия и равновесия, а в мироздании нет весов»* [Казимир Малевич. 1/41. Беспредметность // Казимир Малевич. Собр. соч.: в 5 т. М., 2003. Т. 4. С. 91].

3. *«Все живописные направления представляют собой призмы, и через них видна та или иная реальность, те или иные призмы живописных изменений, конечно, <по>являются в силу физиологического построения мозговых частиц или зеркалец, и благодаря перестроению этих зеркалец мы получаем тот или иной выраженный вид на холсте. Это новая и в бесконечном ряду стоящая реальная форма неизменного по существу явления. Супрематизм тоже призма, но призма, через которую не видно ни одного “что”. В супрематической призме “мир” вне грани, в его призме не преломляется “мир” вещей, ибо их нет, оба беспредметны»* [Казимир Малевич. 1/41. Беспредметность // Казимир Малевич. Собр. соч.: в 5 т. М., 2003. Т. 4. С. 115].

4. «<...> живописное искусство стало живописной рассказчицей быта в живописно-художественной форме, стало иллюминационным светом, эффектирующим всякие поведения общества. Господствующие практические материально-религиозные идеи стали для художников хозяевами, на которых они работали, не подозревая, что в них существует своя идеология. Запутанные бурей идей в переворотах экономических взаимоотношений художники ублажали бурные лица идеодателей воспеванием их красоты, старались угодить <им точным> отражением быта, обещались сделать их классическими точь-в-точь, как делал Рембрандт и Фидий» [Казимир Малевич. 1/47. Супрематизм. Мир как беспредметность // Казимир Малевич. Собр. соч.: в 5 т. М., 2003. Т. 4. С. 159–160].

5. «<...> впереди поставлена идея, рождающая символы, вещи, предметы, орудия, а образ – символ художественный – есть то, к чему должны прийти все предметы как к совершенству. Материя в этом случае есть только средство для выражения идей, но не материи, поэтому материя никогда не существует в утилитарном предмете, хотя весь предмет и сделан из нее, но это не она. Предмет, принявший образ, выходит из утилитаризма» [Казимир Малевич. 1/49. Мир как беспредметность. Труд и отдых // Казимир Малевич. Собр. соч.: в 5 т. М., 2003. Т. 4. С. 231].

6. «Здесь нужно обратить внимание, что искусство имеет в сути своей то, что не имеют ни религия, ни эко-

номические, ни политические учения, которые стремятся к тому, чтобы всех людей подчинить одной религии или политической мысли и харчевой системе» [Казимир Малевич. 1/49. Мир как беспредметность. Труд и отдых // Казимир Малевич. Собр. соч.: в 5 т. М., 2003. Т. 4. С. 233].

Здесь парадигма малевичской метафизики – то, что он осмысляет и постоянно формулирует разными словами, концентрическими кругами, исходя из центра или к центру приближаясь: мир как представление – это представление о мире или сам мир как таковой? Если только представление, то это часть реальности (т.е. кажимый мир, мир явленный, по Канту. А целостность, совершенство представить невозможно). Можно на нижнем уровне осознать предел своего животного начала и выйти в единство бесцельного и беспредметного. Преодолевая предмет, человек выходит в необъятность.

Андрей Тарковский: «Большое несчастье человека в том, что он вообразил себя замкнутой системой. Например он думает, что не наносит себе вред, когда скрытно творит зло и не считает, что тем самым подвергается саморазрушению. Человек связан с космосом. Я убежден, что сущность человека, его интеллект и энергия связаны не только с другими людьми – эти связи простираются за пределы нашей планеты и даже за пределы солнечной системы. Важно, чтобы люди поняли свое существование в более широком смысле, нежели только в зримом. Это избавило бы их от чувства неполноценности, которое является первой причиной трудности человеческих контактов».

1. Казимир Малевич. Супрематизм. Мир как беспредметность, или Вечный покой // Казимир Малевич. Собр.соч. в 5 т.
2. Малевич о себе. Современники о Малевиче. Письма. Документы. Воспоминания. Критика: в 2 т / авт.-сост.: И.А. Вакар, Т.Н. Михиенко. М., 2004.
3. Ницше Ф. Так говорил Заратустра. М., 1990.
4. Хайдеггер М. Что такое метафизика. М., 2013.
5. Хайдеггер М. Исток художественного творения. М., 2008.
6. Хайдеггер М. Бытие и время. М., 2015.
7. Гейзенберг В. Физика и философия. М., 1989.
8. Гейзенберг В. Философские проблемы атомной физики. М., 1953.
9. Гейзенберг В. Жизнь в физике. Теория, критика и философия // УФН. 1970. Т. 102, вып. 10. С. 298–312.
10. Ахутин А.В. Вернер Гейзенберг и философия // Гейзенберг В. Физика и философия. Часть и целое. М., 1990. С. 365.
11. Вигнер Е. Непостижимая эффективность математики в естественных науках // Успехи физических наук. 1968. Т. 94, вып. 3. С. 535–546.
12. Кант И. Критика чистого разума. М., 2010.
13. Кант И. Лекции о философском учении о религии. М., 2016.
14. Кант И. Критика практического разума. М., 2015.
15. Кант И. Критика способности суждения. М., 2006.
16. Тоффлер Э. Футурошок. СПб., 1997.
17. Карнап Р., Ган Г., Нейрат О. Научное миропонимание – Венский кружок // Логос. 2005. № 2 (47). С. 13–27.
18. Витгенштейн Л. Философские работы. Ч. II. Замечания по основаниям математики. М., 1994.
19. Райл Г. Понятие сознания. М., 1999.
20. Тьюринг А. Может ли машина мыслить? М., 1960.
21. Broad C.D. The Mind and Its Place in Nature. London: Routledge and Kegan Paul, 1925. P. 71–72.

22. Nagel T. What Is It Like to Be a Bat? // *Philosophical Review*. 1974. № 83. P. 435–450.
23. Searle John (January 1990), “Is the Brain’s Mind a Computer Program?”, *Scientific American*. Т. 262(1): 26–31.
24. Сёрл Дж. Открывая сознание заново. М., 2002.
25. Оксфордское руководство по философской теологии. М., 2013.
26. Куайн У. Две догмы эмпиризма. М., 2000.
27. Стросон П. Индивиды. Опыт дескриптивной метафизики. Калининград, 2009.
28. Ингарден Р. Введение в феноменологию Эдмунда Гуссерля. М., 1999.
29. Корет Э. Основы метафизики. Киев, 1994.
30. Galen John Strawson *Mental Reality*. N.Y. (1994).
31. Уилер Дж. Предвидение Эйнштейна. М., 1970.
32. Голдберг Д. Вселенная в зеркале заднего вида. М., 2015.
33. Суинберн Р. Есть ли Бог? М., 2006.
34. Гадамер Г.Г. Игра искусства // *Вопросы философии*. 2006. № 8. С. 164–168.
35. Дионисий Ареопагит. О небесной иерархии. СПб., 1997.
36. Фихте И.Г. Основа общего наукоучения. И.Г. Фихте. Сочинения. Работы 1792–1801. М., 1995. С. 275–473.
37. Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа. М., 2000.

Научное издание

КОТОВИЧ Татьяна Викторовна

**МАЛЕВИЧ/МЕТАФИЗИКА:
БЕЛЫЙ СУПРЕМАТИЗМ**

Монография

Технический редактор

Г.В. Разбоева

Корректор

Л.В. Моложавая

Компьютерный дизайн

Е.А. Барышева

Подписано в печать 09.07.2019. Формат 60x84 ¹/₈. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 13,25. Уч.-изд. л. 5,36. Тираж 99 экз. Заказ 71.

Издатель и полиграфическое исполнение – учреждение образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова».

Свидетельство о государственной регистрации в качестве издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий
№ 1/255 от 31.03.2014 г.

Отпечатано на ризографе учреждения образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова».
210038, г. Витебск, Московский проспект, 33.